

Между двумя мирами. Школа выживания

Автор:

Марина Ефиминюк

Между двумя мирами. Школа выживания

Марина Владимировна Ефиминюк

Между двумя мирами #1 Необыкновенная магия. Шедевры Рунета

С детства друзья называли меня Тихоня Леро?й. Я училась на «отлично», планировала стать артефактором и получить медаль за заслуги перед обществом Тевета. Но все изменилось, когда я приняла участие в игре скольжение и переместилась в параллельный мир Абрис.

Кто же знал, что одна-единственная ночь, проведенная в мире темной магии, навсегда изменит мою жизнь? И теперь мне придется проверить на себе, насколько светла магия родного Тевета, насколько темны руны Абриса и можно ли доверять врагу, рядом с которым так громко стучит сердце...

Марина Ефиминюк

Между двумя мирами. Школа выживания

© М. Ефиминюк, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Иллюстрация на обложке – Ирина Круглова

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Пролог

Семь поколений назад случился чудовищной силы магический взрыв и в Тевете абсолютно все, а не только обладатели Истинного света, получили дар. Этот же взрыв свел вместе две параллельные вселенные, прежде не знавшие о существовании друг друга. Абрис, мир темных ведунов и рунического колдовства, приблизился настолько, что стал различим даже невооруженным глазом. В небе Тевета погасли звезды и расцвел далекий призрачный город, находящийся в изнанке вселенной. Началась новая эпоха.

Ее называли эпохой после Схождения.

Глава 1

Скольжение

Был поздний летний вечер. В заброшенный ангар, где когда-то была ткацкая мануфактура, набилась толпа народа. Куда ни кинь взгляд, встречались знакомые лица. Возникло ощущение, что шла середина учебного семестра, а не середина каникул, и мы все собрались в университетском спортивном зале на соревнованиях между артефакторами и алхимиками. Только призом служила крупная сумма золотых монет, а не жестяной кубок, радующий разве что самолюбие деканов.

Да и было это вовсе не соревнование, а запрещенная игра «скольжение».

Несколько человек переправлялись в параллельный мир Абрис, в лабиринте незнакомых улиц находили магические ворота и переносились обратно в Тевет. Выигрывал один, самый быстрый, но рисковали участники одинаково, ведь после окончания Десятилетней войны, около двух поколений назад, границу между

мирами закрыли. Перемещения находились под запретом и карались реальным сроком. Только вот опасность загреметь в застенки никого не смущала. Будем честными, кто откажется от попытки за какие-нибудь пятнадцать минут заработать сумму, которой хватит для оплаты целого учебного семестра?

Развлечение пользовалось бешеной популярностью у адептов университета[1 - Имеется в виду Кромвельский королевский университет магических наук, входящий в тройку лучших учебных заведений светлого мира Тевет.]. Насколько бешеной, я оценила, когда вместе с Крис оказалась в ветхом ангаре.

- Змеюшник тоже здесь, - предупредила подруга.

- Где? - Я оглянулась.

В паре ярдов от нас в компании ярко одетых хихикающих девчонок стояла светловолосая красавица Аглая. Она же королева университета и первая университетская ведьма. Нас с Крис она, мягко говоря, недолюбливала. Вернее, не любила меня, а подруга, учившаяся с нею на факультете изящных искусств, вечно попадала под раздачу.

- Лерой, не пялься на них! - сквозь зубы пробормотала Крис.

Но одна из приспешниц, в смысле фрейлин, нас все-таки заметила и что-то возбужденно заговорила остальным. На хорошеньком личике Аглаи моментально расцвела мерзостная усмешка. Удивительно, что такая вообще имелась в арсенале столь красивого создания.

- Ну вот! Я же просила не пялиться, - жалобно простонала Крис. - Они же хуже диких собак!

Не успела подруга договорить, как прозвучал сладкий фальцет блондинистой королевы:

- Эй, Святоша Крис! Ты вечернюю молитву не пропустишь?

Отец Кристины служил молельщиком в храме Судьбы и держал семерых детей в таком кулаке, что изворотливость подруги, ловко нарушающей многочисленные

правила, невольно вызывала уважение. Если бы ее родители узнали, что Крис пришла поглазеть на запрещенную игру, то до старости заперли бы авантюристку дома. Хотя, скорее всего, мой папа, обладавший нечеловеческим терпением, поступил бы так же.

– Проклятие! Я ее сейчас ударю светочем, – покраснела Крис, озираясь на ухмылявшиеся лица университетских сплетников, только и ждущих хорошего повода посудачить.

– Ты не умеешь делать светочи, – напомнила я. – Просто наплюй...

– Тихоня Лерой, ты тоже здесь? – немедленно взялась на меня блондинка. – Думала, что ты в это время уже спишь. У тебя бессонница? Хочешь, подскажу адресок хорошего здравника?

– Стесняюсь спросить, от чего он лечил тебя? – ответила я шпилькой на шпильку.

Девчачьи скандалы всегда привлекали народ. Мы невольно оказались в центре внимания, а Аглая определенно напрашивалась на побои и не желала делать вид, будто мы незнакомы.

– Кстати, Валерия, слышала, что твой лучший друг обручился?

Насмешка ножом вонзилась в грудь, даже дышать стало больно, но я настолько поднаторела в искусстве лжи, что легко изобразила милую улыбку.

– Кстати, Аглая, он все еще принимает поздравления. Хочешь, подпиши карточку. Мне несложно напомнить Тину, откуда вы знакомы.

Усмешка с лица противницы исчезла.

В середине весны у ведьмы случился короткий роман с моим лучшим другом Валентином Озеровым, сыном королевского советника. Интересы Тина хватило всего на месяц, а Аглая, судя по реакции, все еще страдала.

– Так что? – поднажала я. – Передать или воздержись?

Синие глаза блондинки сузились от досады.

– Он ведь не догадывается, что ты, Валерия, вовсе не тихоня, а отменная стерва.

– Не догадывается. – Я пожала плечами. – Он знает.

Аглая резко развернулась, махнув длинным подолом струящегося платья, и направилась сквозь расступающуюся толпу в противоположный угол ангара. За предводительницей разноцветным хвостом потянулась свита. Изредка фрейлины оборачивались и что-то зло шипели, судя по всему, не здоровья нам с Крис желали.

– Змеюка, – фыркнула подруга. – Чего ей в жизни-то не хватает?

– Мозгов ей в жизни не хватает, – хмыкнула я.

– Она правда еще по Валентину сохнет?

– По всей видимости.

– Вот ведь дурочка!

Последнее замечание я предпочла не расслышать. Когда знаешь болевые точки противника, его легко дразнить. С Аглаей мы различались лишь тем, что о моей безнадежной, болезненной любви к Валентину Озерову не догадывалась ни одна живая душа.

– Я бы никогда не подумала, что он решит жениться так рано. – Крис, похоже, собиралась обсудить случившееся в моей жизни горе, в смысле помолвку друга детства, во всех удручающих подробностях. Сама мысль о том, что скоро он станет главой семейства, вызвала в душе волну возмущения.

– Угу, – молясь, чтобы она не надумала развить тему, без энтузиазма промычала я.

К счастью, появление ведущего, невысокого плюгавенького типа в ярко-голубой тунике, избавило меня от необходимости продолжать неприятный разговор.

Игра начиналась.

– Смотрящие, вы готовы? – Народ зашелся в одобрительном вопле. – Показываем игровое поле...

На стене оживили нанесенную с помощью стило[2 - Сило – магический инструмент для рисования, выжигания и активации рун. Напоминает самопишущее перо с острым концом.] топографическую руну. Знак вспыхнул, рассылая по поверхности голубоватые огоньки. Светляки рисовали на досках хаотичные выжженные линии, словно ребенок непослушной рукой калякал странный узор. Однако вскоре изображение приобрело четкость и появилась схема абрисских улиц. В одном из тупиков светился круг, символизирующий магические ворота.

– Бросаем жребий, господа! – В руках ведущего появился черный мешок, куда при входе в ангар желающие сыграть складывали записки со своими именами.

Предвкушение гонки оказалось заразительным, я поймала себя на том, что встала на цыпочки, чтобы не пропустить ни одной детали. Назвали имя первого игрока, и ангар огласился одобрительным воплем.

– В прошлый раз он взял приз, – пояснила Крис с горящими от нетерпения глазами и завизжала от радости, когда вторым игроком оказался победитель прошлогодней игры.

Оба парня учились со мной на факультете прикладной артефакторики, и я никогда не догадалась бы, что они участвовали в подпольных играх. Хотя за три года мне, фанатичной зубриле, удалось изучить разве что повадки завсегдатаев магической лаборатории и немножко похуже – обитателей университетской библиотеки.

От восторга Крис пританцовывала на месте.

– Проклятие! Вот это будет раунд! Два победителя разом! – звенящим голосом пятый раз повторила она.

– Третий участник! – выкрикнул ведущий, запуская руку в мешок, и вытащил скомканную шариком бумажку. – Тихоня Лерой!

В первый момент почудилось, что я просто ослышалась.

– Какого...

Народ зашушукался, не понимая, кому выпал жребий.

– Лерой, ты бросила в мешок свое имя? – изумилась Кристина.

– Нет, – ошарашено покачала я головой.

– Вон она! – в восторге завизжали фрейлины Аглаи, указывая в нашу сторону, и моментально стало ясно, кто меня подставил.

Толпа расступилась, как по мановению волшебной палочки, и мы с Крис оказались вдвоем на опустевшем пятачке.

– У нас играет милая барышня? – расплылся ведущий в улыбке и сделал рукой приглашающий жест. Мол, добро пожаловать в преисподнюю.

Лично мне было очевидно, что место «милрой барышни» явно не на пороге в Абрис и даже не в ангаре, а на садовых качелях, где она будет почитать новый номер альманаха «Новейшие артефакты». Ориентирование на местности никогда не входило в число моих сильных сторон. Кусая губы, я лихорадочно прикидывала, как поступить лучше. Отказаться и стать посмешищем? Или согласиться, с позором проиграть и все равно стать посмешищем?

Противники, стоящие в воротах, с самодовольным видом стукнулись сжатыми кулаками. И этот жест, намекающий, что мне не давали даже четвертушки шанса на победу, вдруг показался очень обидным. Я и сама не поняла, как сделала шаг вперед.

– Лерой, ты будешь участвовать? – в ужасе зашипела Крис, пытаясь меня остановить.

– Кажется...

– Ты с ума сошла?!

– Ну... как сказать...

Под одобрительные выкрики зрительного зала, я пересекла ангар и вошла в нарисованный на полу магический круг. Пока народ делал ставки, нам вручили одно на всех стило – нарисовать руны «слежение», чтобы толпа могла наблюдать за перемещениями на схеме города.

Откровенно говоря, для меня коллективное пользование одним стилем приравнивалось к тому, как одной ложкой на троих хлебать из общей миски суп. Брезгливо, но, конечно, не смертельно. Когда магический «карандаш» переключался ко мне, то я не удержалась и под понимающими усмешками парней обтерла его о леггинсы, а только потом одним росчерком поставила на раскрытой ладони знак.

От легкости, с какой небрежно нанесенная руна наполнилась магическим светом, у ведущего хищно блеснули глаза.

– Госпожа Истинный свет?

Пришлось оставить замечание без комментариев и побыстрее сжать кулак, чтобы предательский свет потушить. Когда я снова раскрыла кулак, то на ладони остались тонкие, едва заметные линии.

Я никогда не скрывала, но и особенно не выпячивала то, что являлась обладательницей древнего дара. Это в эпоху до Схождения истинный магический дар делал человека особенным, а, миновав поколения, в обществе неофитов[3 - Неофиты – жители Тевета, получившие магический дар благодаря Большому взрыву. Сила некоторых неофитов не уступает силе обладателей Истинного света, но в общей массе неофиты являются слабыми магами. Они быстро истощаются, дольше восстанавливаются, и их силы света, как правило, хватает лишь на простые бытовые руны.] он превращал своего обладателя в белую ворону.

Нам вручили карты абрисского города, и перемещение началось. Ворота ожили. Круг на полу засветился, а по контуру вспыхнули символы. Знаки завертелись стремительной каруселью, превращаясь в размазанную линию. В воздухе затрещали магические разряды. Лица людей искривились, словно оказались за плохо отлитым стеклом.

Я не успела ни осознать, во что ввязалась, ни испугаться, ни запаниковать, только зажмурилась, чтобы не затошнило. Земля под ногами разверзлась, я резко ухнула вниз, хотя ожидала, что меня начнет возносить, ведь Абрис светился именно в небе.

Все закончилось неожиданно. Под ногами появилась твердая опора. Меня переместило в чужой мир.

* * *

Я ожидала, что меня перенесет на городскую улицу, но очухалась от скольжения в холодном помещении с плотно закрытыми портьерами на окнах. Темнота пахла книжной пылью и табаком. На мгновение сознание обожгла паническая мысль: что, если я не сумела пересечь границу между мирами? Что, если ворота просто переместили меня в чужой особняк в родном Тевете?

В растерянности раскрыла ладонь и зажгла магическую искру – голубоватый огонек, похожий на нежный язычок свечного пламени. Стараясь разобраться, куда меня все-таки занесло, огляделась. Под магическим светом на стенах, обтянутых темной материей, на потолке и даже на полу начали искриться незнакомые руны. Я сама исхитрилась попасть в центр сложного символа. Стараясь не задеть контуров, осторожно переступила на чистый островок наборного паркета.

Совершенно точно это был не Тевет.

Растерявшись еще больше, я мяла в руке злосчастную карту, непрозрачно намекающую, что меня должны были перенести в город, а не в чужой дом, и не понимала, куда теперь бежать. Еще раз огляделась. Пустые книжные шкафы, массивный стол, дверь в чулан... Неожиданно в мертвой тишине разнеслось эхо чужих шагов. Сжав кулак, я мгновенно погасила искру, и комната погрузилась в

беспросветную темноту.

Шаги зазвучали отчетливее.

Едва различая предметы вокруг, я бросилась в сторону чулана. Влажными от страха пальцами нащупала ручку и, прошмыгнув в тесную комнатенку, бесшумно закрыла дверь. В ушах шумела кровь, а сердце грохотало так сильно, что я не услышала шороха, а скорее почувствовала, что за спиной кто-то стоял.

Секунды текли, длинные и страшные. Стены давили. Ожидание нападения было похоже на ожидание грома во время грозы: понимаешь, что гроыхнет, осознаешь, что испугаешься до мурашек, но не знаешь, в какой момент... Когда рот накрыла чужая ладонь в кожаной перчатке, я замычала, затрепыхалась, но все равно оказалась прижатой к крепкому мужскому телу. Темноту разрезала короткая красноватая вспышка. Мгновением позже в лицо ударил порыв ледяного ветра.

Перемещение из мертвого особняка на осеннюю улицу произошло незаметно. Мне не сразу удалось осознать, что мы стояли возле грязной кареты, в зловонном узком проулке, озаренном непривычным глазу рыжеватым светом фонаря. Под ногами влажно блестела брусчатка, а сверху капала ледяная морось, даже толком не похожая на настоящий дождь.

В памяти мгновенно всплыли страшные байки о похищенных в Абрис людях и убитых в кровавых ритуалах девственницах. Я начала яростно вырываться из хватких мужских рук, попыталась укунить похитителя, но только обслюнявила его перчатку и перепачкала себе лицо. А когда открыли дверь кареты, то, не желая забираться внутрь, уперлась пятками в ступеньку.

– Обездвижу, – прозвучало над самым ухом по-теветски с едва уловимым акцентом.

Родная речь в устах чужака настолько шокировала, что я обмякла и тут же оказалась внутри. Забилась в угол кареты и, низко опустив голову, брезгливо обтерла рот рукавом летнего плаща. Похититель уселся напротив и насмешливо бросил:

– Совсем страха нет?

Дверь захлопнулась. Мы окунулись в темноту, но едва экипаж тронулся с места, как сверху полился желтоватый тусклый свет. Я не поднимала головы и цепенела, кожей ощущая изучающий взгляд абрисца.

Скорее всего, он видел магический свет в особняке и теперь прикидывал, насколько заложница из Тевета могла оказаться опасной. Впервые в жизни стало жаль, что я недальновидно отказалась от курса самообороны в университете и перед темным колдуном была бессильна, точно ребенок. Неожиданно он потянулся ко мне, заставив испуганно вжаться в деревянную спинку скамьи, и выдернул из рук карту. В кулаке у меня остался жалкий оторванный клочок.

Последовала долгая пауза.

– Ну, и кто ты? – наконец произнес он.

Я прикусила губу, отказываясь отвечать. Он что-то пробормотал по-абрисски, а потом холодно проговорил, как будто обращался к самому себе:

– Ладно, как знаешь. Все равно разговорят.

От страха у меня зашевелились на затылке волосы. Я вскинулась и уставилась на темноволосого мужчину. Он был гораздо старше меня – лет на восемь, не меньше. Глаза стального цвета, яркие и ледяные. В нижней губе, слева, тонкое серебряное колечко.

– Ты ведь знаешь, что у нас не вступают в переговоры со шпионами? – изогнул он брови. – Или ты перебежчица? Такие здесь тоже есть.

Понадобилось время, чтобы набраться смелости и заговорить.

– Куда ты меня везешь?

На одно мгновение у того сделалось странное лицо, он как будто подсознательно ожидал, что у пленницы окажется плаксивый фальцет, а не взрослый голос.

– Для чего ты переместилась в Абрис? – ответил вопросом на вопрос.

– Меня будут пытаться? – В панике я выпаливала первое, что приходило в голову. Как будто мысли, едва возникнув в голове, тут же выливались изо рта.

– Что ты делала в доме Исаи Гленна?

– Меня никогда не отпустят?

Возникла долгая пауза. Ведун кивнул:

– Девушка, кто-то должен первым начать отвечать. Из нас двоих ты нарушила границы. – Он сделал приглашающий жест рукой, мол, не стесняйся быть честной.

Нервно облизав пересохшие губы, я призналась:

– Я участвовала в скольжении. Это такая университетская игра. Мне дали карту, – кивнула на смятый листок коричневатой бумаги в руках абриса, – по ней надо было найти ворота и вернуться обратно. На меня даже деньги поставили. Я не шпионка, а адептка, и не знаю, почему переместилась в тот дом, а не в город.

Во взгляде мага была ирония. Конечно, он не верил ни единому слову.

– Ты мне не веришь, так?

– Как сказать... Я встречал много теветских адептов, но у тебя оказался самый подвешенный язык.

– Я не вру! – прозвучало излишне поспешно, что, наверное, было еще подозрительнее. – Проклятие! Как же тебе объяснить?

Некоторое время мы молчали. Рассматривали друг друга. Взгляд, как зачарованный, все время возвращался к колечку в губе ведуна. Никто из знакомых мне парней никогда не носил лабрет, тем более на лице. В голове крутилась несуразная, совершенно не подходящая ситуации мысль: в трескучий

мороз он примерзал?

– Сколько тебе лет? – резко спросила я, стараясь отвлечь себя от странной фантазии на тему того, как темный ведун облизывает зимой губу.

– Назови свое имя.

– Валерия Уварова, – без колебаний представилась я. – Так сколько тебе лет? Двадцать восемь?

– Двадцать четыре, – поправил он с непроницаемым видом. Точно врал. Лгун со стажем навряд ли меня всегда легко распознает себе подобного.

– Женат?

– Нет.

– Помолвлен?

– Нет.

– Вот! Что и требовалось доказать! – Я щелкнула пальцами, отчего световой кристалл на потолке зашелся в нервическом треске. – Никто не женится до тридцати. Скажи? А парню, с которым я собиралась потерять девственность, исполнилось двадцать три, но он вдруг обручился. Как понимаешь, не со мной.

Судя по тому, что у мага медленно вытягивалось лицо, он ничего понимать не собирался и меньше всего был склонен влезать в шкуру девственницы из Тевета, страдающей по чужому жениху.

– У меня ощущение, что я на прошлой седмице не на обряде обручения сидела, а на поминках по разрушенным надеждам. – Мне следовало заткнуться, но от паники признания лились щедрым потоком, как из сломанного крана, не перекроешь. – До сих пор не могу поверить! Валентин бабник, каких Тевет еще не видывал. Я решила, что просто обязана совершить нечто, доводящее его до бешенства. Увязалась за Крис на скольжение и потом переместилась в тот дом... Называется, сделала больно человеку, который даже не подозревал, что ему

делают больно. Аж злость берет! Но знаешь, что меня бесит больше всего? Что прямо сейчас я несу дичайшую ахинею и почему-то не могу заткнуться!

Неожиданно слова закончились. В воздухе повисло напряженное молчание. Совершенно ошарашенная собственным словоблудием, я выразительно моргнула. Кажется, за минуту мне удалось рассказать темному ведуну о личной жизни больше, чем лучшей подруге за последние три года.

Он откинулся на сиденье, сложил руки на груди. Внимательный взгляд взрослого человека, прикидывающего, какое наказание заслужил нашкодивший ребенок, остановился сначала на моем пылающем лице, потом переместился к открытым сандалиям. Чувствуя, что от стыда готова провалиться под землю (особенно если, провалившись, вернусь домой), я спрятала грязные ноги под лавку.

Интересно, если сказать что-нибудь вроде «спасибо, что позволил исповедаться», пришибет смертельным проклятием?

– Извини, – наконец выдавила я, нервно заправляя выбившуюся из пучка светло-русую прядь.

– И много? – вымолвил он.

– Чего?

– Денег на тебя поставили много?

– Понятия не имею, – дернула плечом. – Я ведь не вернулась обратно.

– Что ж... В любом случае, ты бы не выиграла.

– Почему это?

– Ты даже не переместилась в город, так что тебе очень повезло со мной столкнуться.

– Повезло? – опешила я.

Странные у него понятия о везении. В отличие от Тевета, где после Большого взрыва абсолютно все жители получили дар света, в Абрисе равновесие нарушено не было. На полсотни обычных людей встречался только один настоящий колдун, с такой-то редкостью мне и «повезло» столкнуться в пустом доме. Больше, наверное, только утопленникам «везет». А учитывая, с какой жестокостью во время войны абрисские ведуны убивали обладателей Истинного света, было и вовсе в пору падать в обморок от счастья.

Между тем он постучал в стенку кареты. Со скребущим резким звуком отъехала перегородка, и маг отдал вознице приказ на родном языке. Через некоторое время экипаж остановился. Парень толкнул дверь, впусав в салон пахнувший осенью холод, спрыгнул на пешеходную мостовую и протянул руку, предлагая мне выйти.

– Что ты делаешь? – вымолвила я, боясь высунуть нос наружу.

– То, о чем непременно буду сожалеть.

– Ты меня отпускаешь?

– Останешься в карете?

– Всегда отвечаешь вопросом на вопрос? – буркнула я.

– Только когда раздражаюсь. – Он нетерпеливо помахал рукой: – Вылезай.

Услыхав недвусмысленный намек, я подскочила на лавке с таким проворством, словно подо мной распрямилась крепко сжатая пружина. Без лишнего стеснения схватилась за предложенную руку и, перепрыгнув раскисшую под лошадиными копытами жижу, встала на дорожку под фонарем.

Оказалось, что мы приехали к большому постоялому двору, заставленному распряженными каретами. Ставни были открыты, и в окнах горел свет.

– Зачем мы здесь? – проговорила я, пряча дрожащие руки в мелкие карманы плаща. – Ты ведь... не хочешь... чтобы я... от меня...

Маг с недоумением изогнул брови.

– Оплаты! – выпалила я с горящей, как сигнальный фонарь, физиономией. На лице парня расцвела ленивая улыбка, а на щеках появились ямочки.

– И как, подразумевается, ты со мной расплатишься?

– М-м-м...

Не заставляй произносить это вслух, пожалуйста!

– Ты так мило смутилась, – не преминул заметить он, снимая куртку, как будто заранее начал готовиться к оплате. – Не знаю, чего ты там себе навывдумывала, недоверчивый ребенок, но здесь готовят лучшую еду в городе. Ты голодная? Лично у меня перемещения вызывают зверский аппетит.

Неожиданно абрисец накрыл мои плечи курткой, хранившей его тепло и чистый мужской запах. Кожаные рукава опустились до самых колен. Я ошарашенно замерла оттого, как легко совершенно незнакомый человек ворвался в мое личное пространство.

– Так что? Составишь мне компанию? – спросил он.

– Это такая абрисская традиция – накормить идейного врага, прежде чем прикончить? – пробормотала я.

– Мы вообще гостеприимный народ, – подмигнул новый знакомый.

– Сначала кормите, потом пытаете? – с растерянным видом я проследила, как уверенной походкой, сунув одну руку в карман, он направлялся к дверям постоянного двора, а потом бросилась за ним следом.

В едальной оказалась тьма народа. Подсознательно я ожидала, что, когда мы войдем, на обеденную залу немедленно опустится гробовая тишина и к нам повернутся все головы, но ничего подобного не произошло. Мой попутчик что-то сказал подскочившему подавальщику, и нас тихонечко проводили по деревянной лестнице на второй этаж, в отдельный кабинет с зажженным камином, куда шум

общего зала доносился только невнятным гулом.

Меню не предложили. Заказ приняли со слов колдуна. Я все это время предусмотрительно молчала и грелась у камина. Когда за подавальщиком закрылась дверь, новый знакомый вдруг стремительно подошел ко мне. От неожиданности я даже попятилась, но он схватил меня за куртку, не дав прислониться ногами к раскаленной каминной решетке.

– Стой. – С непроницаемым видом, словно не замечая, как я медленно заливаюсь краской, маг принялся проверять карманы. Правый, левый. То, с какой легкостью он рушил понятия о зоне комфорта и прочих глупостях, вызывало паралич. Не потому, что он был темным ведуном, а потому, что был совершенно незнакомым парнем с отличной фигурой, колечком в губе и с особой аурой таинственности. К тому же стоял в полушаге.

– Я сниму, – одними губами беззвучно предложила я, надеясь прервать пытку, когда он запустил руку во внутренний карман.

Абрисец покачал головой.

– Нашел. – В его руках оказалось тонкое стило из мутно-белого камня.

Подойдя к двери, одним росчерком он нарисовал незнакомую руну. Та вспыхнула красноватым светом и истлела, не оставив следа.

– Теперь никто не поймет, на каком языке мы говорим, – пояснил он.

Я разглядывала его. Когда в чулане маг обнял меня, чтобы перенести из особняка на улицу, его тело показалось твердым и мускулистым. Вязаный джемпер с высоким воротом облегал широкие плечи. Движения выдавали в нем хищника, осторожного, но стремительного и опасного. Сейчас зверь притаился, позволял себе играть в спасителя потерявшихся между мирами девчонок.

Парень задрал рукава и продемонстрировал татуировки на предплечьях. Одну руку обвивала змея, на другой с внутренней стороны теснились набитые звездочки. Хотелось надеяться, что обозначали они не количество пойманных в городе и замученных до смерти теветцев.

– Ты мне поможешь вернуться домой? – резко спросила я, наблюдая, как он налил в лохань воду из медного кувшина, чтобы вымыть руки. – И не сдашь в участок?

Новый знакомый бросил на меня быстрый взгляд.

– Да.

– Как?

– Воспользуюсь своим положением.

Чувство самосохранения подсказывало, что уточнять, какое же он занимает положение, не стоило. Меньше знаешь – быстрее вернешься домой.

– Почему ты мне поверил?

– Твоя обувь, – кивнул он, намыливая щелоком руки.

– Обувь? – не поняла я и с недоумением посмотрела на сандалии. Три кожаных ремешка обхватывали грязные ноги.

– После Большого взрыва в Абрисе постепенно смещаются времена года. Подготовленный человек знал бы, что у нас сезон листопадов, и вряд ли оделся бы по-летнему, чтобы не выделяться из толпы. – Вдруг на его лице заиграла широкая улыбка и появились ямочки. – Ну и твоя пламенная речь задела меня за живое. Особенно часть про девст...

– Не надо! – категорично перебила я. – Мне и так стыдно.

В это время в комнату спиной вперед протиснулся подавальщик с подносом и, судя по всему, спас меня от града издевательских шуточек. На столе появились глиняные блюда с едой, забулькала еще кипящая чугунная посуда с густым варевом.

– Попробуй. – Маг плюхнул мне в тарелку разваренное мясо с овощами и сам принялся за еду. Я никак не решалась взяться за вилку, хотя от ароматных

запахов набегала слюна.

– Ты принципиально не ешь с идейными врагами? – полюбопытствовал он.

– Я не ем с незнакомыми парнями.

На лекциях о рунической магии Абриса рассказывали, что у темных ведунов имя имело большое значение. Якобы оно открывало двери в душу человека, но маг без колебаний представился:

– Рой. – Он усмехнулся. – Теперь твоя вера позволит тебе поесть?

Жаркое оказалось вкусным и ароматным. Схватив кусок булки, я принялась макать его прямо в бурлящую кастрюльку. Потом не удержалась и облизала пальцы.

Рой следил, как я, прямо сказать, не женственно, а жадно и без стеснения поглощала ужин. Наверное, про себя решил, что все теветские потеряшки походили на голодающих из Выжженной пустоши, год питавшихся корешками и наконец дорвавшихся до нормальной еды. Перемещение через границу между мирами забрало изрядно магических сил, которые восстанавливались или за счет еды, или за счет сна. Поспать мне не светило, зато появилась возможность утолить голод сытным угощением.

– А у вас здесь и впрямь неплохо готовят. – Я обожгла губы очередным куском мяса и зашипела.

– Я же говорил, – усмехнулся Рой и спросил: – Значит, ты учишься? Кем будешь?

– Артефактором.

– Хорошим?

– Очень даже, – промычала я с набитым ртом.

– И боевые артефакты тоже создаешь? – как будто невзначай уточнил он.

– Я изучаю созидательную магию, – запив водой вставший поперек горла кусок, пояснила я. – Не хочу выжигать боевую руну – больно и бесполезно, все равно оружие меня не привлекает. Когда-нибудь я создам самодвижущийся экипаж на рулевом управлении, которому не нужны лошади.

– Не любишь лошадей?

– Мягко сказано. Я их ненавижу! В детстве у меня случилась одна неприятная история, связанная с лошадьми.

– Тебя сбросила лошадь?

– Никогда не ездила верхом, – призналась я. – История не для застольных посиделок, но она о мальчике, который мне очень нравился, белых атласных туфельках и лошади, остановившейся в очень неудачном месте.

– Она тебя лягнула?

– Лучше бы она меня лягнула, – с наигранной грустью вздохнула я. – Потому что тогда мне пришлось бы отменить первый в жизни бал из-за травмы, а не из-за испорченных туфель. Проклятие, я так возненавидела балы и лошадей, что до сих пор не умею управлять экипажем и танцевать!

Рой поспешно схватился за стакан, но смех все равно подавить не сумел.

– Это печальная история! – серьезно заявила я. – Мне до сих пор обидно.

На некоторое время мы замолчали. Сотрапезник лениво потягивал напиток.

– Этот твой жених... – Он бросил поверх кружки пронзительный взгляд. – Сильно просчитался, когда отпустил тебя.

Я поперхнулась и мысленно пожелала провалиться под засыпанную опавшими листьями землю Абриса.

– Не смущайся, кое-чего из твоей пламенной исповеди я все равно не понял, – успокоил Рой.

– Пятьдесят процентов? – с надеждой уточнила я.

Он покачал головой.

– Двадцать?

– Нет.

– Может, хотя бы пять?

Он с сожалением развел руками.

– Тогда что?

– Я впервые услышал слово «ахиня».

– И всего-то? – разочарованно протянула я. Лучше бы он не знал слова «девственница».

– Что оно означает?

– Абсурд, вздор, нелепость. Нужны еще варианты?

– У тебя, я смотрю, богатый словарный запас, – усмехнулся он.

– Я вообще поговорить люблю. Особенно не вовремя, – мрачно отозвалась я и попыталась сменить тему: – Теперь моя очередь спрашивать. Признайся, Рой, таких, как ты, учат ловить таких, как я?

Он усмехнулся:

– Ты явно не захочешь услышать ответ, Лера.

Никто и никогда не называл меня Лера. Интересно, это был такой особенный абрисский шик уменьшать имена, чтобы они звучали как ласковые прозвища?

Не зная, куда деваться от смущения, я вытащила карманные часы и с излишне заинтересованным видом откинула крышку. Механизм точно взбесился! Резные стрелки беспрерывно крутились в разные стороны, как у магического компаса, искавшего части света на месте сосредоточия природной магии.

– Что с моими часами? – удивилась я.

– Давай посмотрю.

Едва Рой дотронулся до артефакта, заряженного Истинным светом, как его пальцы шарахнуло чувствительным разрядом, даже искры посыпались. Он невольно отдернул руку, и часы кувыркнулись в миску с мясом, где и утонули с тихим бульканьем.

Мы ошарашенно смотрели, как золотой краешек скрылся в жирной гуще.

– Светлые духи! – простонала я, пряча лицо в ладонях и стараясь не расхохотаться. – Ненавижу сегодняшний день!

– А по мне, так неплохой день, – хмыкнул Рой, пытаюсь ложкой выловить золотой кругляш из мясной жижи. – Особенно его окончание. По крайней мере, так было, пока я не утопил твои часы в соусе...

Поздний вечер сменился холодной ночью. Дождь закончился, ветер разгонял тучи. Они неслись клоками, точно ожившие тени, и в разрывах то и дело выныривала почти полная луна. Я жадно ловила взглядом стремительное мелькание ночного светила, редкого гостя в Тевете. В небе Абриса не было отражения параллельного мира, словно его вовсе не существовало. Жаль, что с погодой не повезло. Скорее всего, в ясные ночи бескрайнюю черную гладь усеивали мириады мерцающих звезд.

Подъехала карета, и Рой открыл дверь:

– Забирайся.

Я нырнула в холодную темноту, уселась на ледяную лавку, едва подавив желание забраться с ногами и натянуть на озябшие колени куртку. Сначала маг

о чем-то переговорил с возницей, а когда забрался внутрь и щелчком пальцев оживил световой кристалл на потолке, уселся рядом со мной. От неловкости я боялась пошевелиться, а он принялся раскладывать карту, похоже, одолженную у кучера.

– Покажи квартал, где ты живешь.

Оказалось, Рой держал карту Кромвеля, исполненную со столь скрупулезной точностью, что на схеме улиц были обозначены даже сторожевые будки.

– Зачем тебе?

– Я сегодня уже пару раз перемещался по континенту и сил на прыжок через границу не хватит, только на параллельное скольжение. Подъедем поближе к нужному кварталу с нашей стороны границы, и тебе потом не придется далеко добираться.

Мне хотелось спросить, все ли темные ведуны умели с легкостью перемещаться из мира в мир, но не хватило духа.

– Ты всегда такой внимательный к нарушительницам границ?

– Только к тем, которые мне симпатичны. Показывай, – скомандовал он.

Не зная, как реагировать на небрежный комплимент, я наклонилась к карте и нашла квартал Каменных горгулий.

– Вот здесь.

– Далековато ты оказалась от дома.

– Угу, в параллельном мире.

– Зачем ты решила участвовать в крысиных бегах?

Он так точно охарактеризовал скольжение, что мне стало смешно. Наверное, со стороны мы действительно напоминали крыс, выпущенных в кукольный лабиринт в гонке за кусочком сала.

– Ничего личного, Рой, возможно, твой мир и неплох, но Валентин ненавидит Абрис, а мне захотелось сделать что-то такое, от чего ему тоже станет паршиво.

– Чужому жениху?

– Звучит по-идиотски?

Я подняла взгляд от карты и потеряла мысль, вдруг осознав, что мы практически соприкасались лбами. Близость вызвала чудовищное смущение. Взгляд заметался по его лицу и снова остановился на колечке в губе.

– Оно примерзает зимой? – слыша себя точно со стороны, выпалила я.

Уголок рта у Роя дрогнул.

– Нет.

– Хорошо, – промычала я, – а то было бы неудобно его каждый раз отмораживать.

Что я несу?!

Отодвинувшись, я закуталась в куртку и забила в уголок кареты. Рой дал распоряжения вознице, мы тронулись с места. Световой кристалл был погашен, занавеска отдернута, и в салон заструился тусклый уличный свет.

– Ехать долго, за городскую стену. Может, поспишь? Иначе свалишься после скольжения, – предложил маг.

– Как я могу? – промычала я, подавив зевок. – Ты же на ногах еще держишься.

– Я сильнее тебя и магически, и физически.

– А еще у тебя самомнение зашкаливает, – отозвалась я и все-таки широко зевнула, прикрыв рот ладошкой.

– Ты со всеми такая прямолинейная?

– Только с людьми, которые мне симпатичны... – пробормотала я, борясь с сонливостью.

Глаза удалось разлепить с огромным трудом. Карета стояла, а Рой тряс меня за плечо:

– Просыпайся, мы приехали.

– Куда приехали? – Я выпрямилась, не сообразив, где нахожусь и почему вокруг так темно. Чтобы вспомнить события последних нескольких часов, пришлось поднапрячься.

– Выходи, – скомандовал он.

Оказалось, что мы стояли на проселочной дороге посреди густого реликтового леса. Вокруг ни души, только высоченные деревья. Когда я выбралась из кареты, наступила в лужу и ноги обожгло ледяным холодом.

– Проклятие!

– Осторожно! – Он подхватил меня под локоть и помог выбраться на твердую землю. – Пойдем.

Рой начал уверенно удаляться от дороги, и мне ничего не оставалось, как идти следом. С тоской я оглянулась через плечо, за голыми кустами светился огонек на крыше кареты.

– Когда проводят ритуалы с жертвоприношениями, то жертва должна быть сытая? – зябко кутаясь в куртку, уточнила я.

– Не переживай, ради жертвоприношения я бы не повез тебя в лес. У нас для этого прямо в городе стоят алтари.

– Ты же пошутил?

– Нет. Можно было сразу из постоянного двора попасть в святилище, – издеваясь, просветил он.

– Ты меня сейчас вообще не успокоил, – проворчала я, стараясь от него не отставать, хотя хождение даже по летнему лесу в сандалиях было еще тем удовольствием, а по осеннему, да в кромешной темноте, превращалось в изощренную пытку.

Едва фонарь растворился во мраке, как Рой остановился.

– Почему здесь? – не утерпела я.

– Подальше от дороги.

Вспыхнул огонек стило, и маг принялся чертить на ладони знак. Из-под светящегося злым красным цветом острия шел дымок, в воздухе ощутимо пахло паленой плотью. На коже появился черный ожог с воспаленными кромками. Светлые руны не калечили тело и после себя не оставляли рубцов. Наверное, было больно до оцепенения, но ведун только морщился.

– Готово. – Он спрятал стило обратно в карман и протянул руку: – Иди сюда.

– Прости?

– Ты мне доверяешь? – в голосе Роя слышалась улыбка.

– Это ведь риторический вопрос? Можно не отвечать? А то врать очень не хочется. – От нервного напряжения меня трясло. – Скажи, мы точно не переместимся в чью-нибудь библиотеку? Нас ведь заберут как воров...

– Трусиха. – Маг резко схватил меня за запястье и привлек к себе.

Я налетела на него и оказалась в кольце рук, тесно прижатая к горячему телу. Он не дал возможности отстраниться или хотя бы возмутиться, лесную мглу

рассекла алая вспышка, и под ногами провалилась земля. Мы стремительно ухнули в пустоту. От страха я обхватила Роя руками, да так крепко, будто пыталась сломать ему ребра.

Как и в первый раз, скольжение закончилось неожиданно. Я все еще прижималась к парню, когда поняла, что воздух был насыщен ароматом сухой травы, а в тишине застрекотали цикады.

– Приехали, – тихо произнес Рой мне в макушку.

– Да? – Я подняла голову и огляделась.

Оказалось, что мы находились под каменным мостом рядом с кварталом Каменных горгулий. Расцепив объятия, больше походившие на жесткий захват, я отошла. Рой сунул руки в карманы.

– Ты сегодня нарушил много правил? – спросила я.

– Достаточно. Нарушать правила весело, правда, Лера?

– С первого раза не оценила, – призналась я и помахала рукой: – Прощай, Рой. Было приятно познакомиться, несмотря на то, что ты искупал мой курсовой проект в мясном соусе.

– Прощай, Лера. Надеюсь, что созданный тобой артефакт невозможно уничтожить простым соусом.

– Это бы ударило по моему самолюбию. Скажи? – пошутила я.

Через темноту мы смотрели друг на друга в последний раз. Наши дороги расходились навсегда.

– Ты был прав, мне действительно повезло оказаться не на улице, а в том доме, – призналась я. – Без тебя я бы попала в большие неприятности. Спасибо.

Он молча кивнул, принимая благодарность. Если бы на прощанье новый знакомый выдал какой-нибудь нравоучительный монолог, типа, никогда больше

не занимайся глупостями и не перемещайся в Абрис, то я бы разочаровалась и тем успокоилась, но Рой решил меня добить.

– Хотел бы я, чтобы ты жила в моем мире, – тихо вымолвил он и исчез, оставив мне кожаную куртку, кучу странных мыслей и такое же количество растрепанных чувств.

* * *

Мы с папой снимали первый этаж старого каменного дома с большой мансардой, окруженного густым одичавшим садом. Жилище, принадлежащее университету, стояло в тупичке, в отдалении от нарядных соседей, выстроившихся на центральной улице.

Когда я, не чувствуя под собой ног, добралась до своего переулочка, уже светало. Фонари погасли, небо просветлело, а очертания абрисского города в небе потускнели. Густо пахло влажной от росы зеленью. Я толкнула протяжно закрипевшую кованую калитку и прошмыгнула во двор.

На плетеных качелях, стоящих на веранде, поджав коленки и закутавшись в плед, сладко спала Крис. Услышав мои шаги, она тут же открыла глаза и поспешно села.

– Лерой, слава светлым духам! Ты где была? Я думала, рехнусь от беспокойства!

– Что значит, где была? – Я устало плюхнулась рядышком с ней, и качели неустойчиво зашатались.

– Проклятие, я как будто в кошмарный сон попала! – Подружка растерла лицо ладонями. – Вы только исчезли, как в ангар нагрянули стражи. Многих схватили. Парни, которые из Абриса скользили, наверное, вообще в руки дознавателей выпали. Тебе повезло, что ты переместилась в город.

– В город? – переспросила я, подозревая, что подружка от страха оказаться в каземате немножко тронулась умом.

– Твой маячок не зажегся, – пояснила Крис. – Все решили, что ты не пересекла границу и выскользнула где-то в городе...

– Так и есть, – поспешно согласилась я, не представляя, как расскажу дикую историю о чужом доме, неожиданной доброте темного ведуна и перемещениях между мирами.

– А грязь-то ты где умудрилась найти? – удивилась подружка.

Она рассматривала мои ноги и заляпанные по колено леггинсы.

– Выпала из ворот прямо в болото, – соврала я. – Хорошо, что в топь не попала.

– А как до дома добралась?

– Меня подвезли. Я выглядела такой жалкой, что извозчик даже куртку дал... Сговорились, что я ему потом на станцию завезу.

– Повезло. – Крис широко зевнула и помахала ладошкой перед лицом, вместо того чтобы прикрыть раззявленный рот. – А мы вдесятером в одном кебе тряслись, да еще до твоего квартала пришлось шлепать час. Сколько там времени?

Я похлопала по карманам, вытащила часы. После мясного соуса золотой корпус на ощупь казался неприятно липким. Стрелки показывали одиннадцать часов вечера, как будто не существовало ночи, проведенной в параллельном мире.

– Часы отстают, – пожаловалась я.

– Неважно, – широко зевнула Крис. – Пойдем спать, а то мне скоро вставать надо.

Она ошиблась, спать нам больше не пришлось. Едва я успела смыть с себя грязь и запаха Абриса, как услышала, что в дверь дома кто-то принялся яростно стучать. Ранний визитер точно пытался снести с петель тяжелую дубовую дверь, опечатанную специальной руной от взлома. Совершенно не понимая, кого притащили абрисские демоны в то время, когда у соседей только петухи

проснулись, я поскорее вылезла из лохани с душистой водой. Раздался звук проскрежетавшей на дверном окошке заслонки, а потом Крис позвала напряженным голосом:

– Валерия, ты здесь нужна!

Подруга никогда не называла меня полным именем, разве что при своем отце. Судя по тому, с какой проворностью она принялась открывать неподъемный засов, в голову пришла странная мысль, что молещик Серебров приехал за дочерью, чтобы лично препроводить на утреннюю молитву.

Появляться перед отцом Крис в халате было неловко, и я натянула на себя первое, что лежало в корзине с грязным бельем. Как на грех, сверху валялось традиционное теветское платье, которое мне пришлось нацепить на обряд обручения Тина.

В измятом ярко-красном балахоне до пят я вывалилась из банной комнаты в кухню, заменявшую нам с отцом холл и столовую. Белая как смерть Крис хлопала круглыми от страха глазами и держала входную дверь широко открытой.

На пороге стояли двое хмурых стражей, и у меня в животе завязались крепкие узлы.

– Валерия Уварова, дочь профессора истории Демитрия Уварова? – раздраженным голосом спросил один.

Мы с подругой испуганно переглянулись.

– Что-то случилось, господин дознаватель? С папой что-то случилось?

Первый продемонстрировал свернутый свиток. В руках второго стража, как по мановению магического стило, появились кандалы, перекрывающие силу света.

– Валерия Уварова, вы арестованы по обвинению в незаконном пересечении границы с параллельным миром Абрис.

– То есть с папой все в порядке, – уронила я и в комнате повисла пугающая тишина.

Все молчали и не шевелились. Стражи примерялись, под каким углом скрутить хрупкую девушку, чтобы она не скончалась на месте, а я не могла избавиться от дурацкой мысли, что просто не имею права сесть в каземат без исподнего... В камерах же ужасно грязно.

– Можно мне переодеться? – наконец с трудом проговорила я.

Глава 2

Хорошая девочка Тихоня Лерой

– Ты будешь говорить или нет?! – Дознаватель шарахнул по столу кулаком. Подпрыгнули самописные перья и бумаги, а я вжала голову в плечи.

К середине утра в комнате для допросов, похожей на каменную клетку, царила невыносимая духота. Воздух казался липким и смрадным. Я тишком следила за беснующимся стражем и не открывала рта. По его лицу тек пот, воротничок рубахи промок. Когда он поворачивался спиной, между лопатками темнела влажная клякса.

Не добившись угрозами никакого результата, страж решил поменять тактику. Уперся большими ладонями в крышку стола и зачастил отеческим тоном:

– Девочка, ты понимаешь, что обвинение в пересечении границы поставит крест на твоём будущем? А ты, говорят, башковитая. Отличница. Ты знаешь, что тебе светит пятнадцать лет на каторге. Ты оттуда в похоронной урне уедешь. Давай сотрудничать? Обещаю год в исправительном доме. Всего год без магического света, даже руны не придется заново учить. Просто назови имя организатора.

В горле ужасно першило, то ли от прогулок по осеннему лесу, то ли от жажды.

– А можно мне водички? – прокряхтела я.

– Ты издеваешься? – рявкнул страж, выкатив глаза. – Ты открыла рот, чтобы попросить водички? Да ты у меня тут от жажды сдохнешь, пока не выложишь, кто устроил ваш поганый шабаш! Скажи, тебе что, совсем не страшно потерять дар?

– Извините... – Я уставилась на грязный воротничок, врезавшийся в кадык стража. – Не подумайте, как будто я тут умничаю, но вы читали мою личную грамоту? Там должно быть сказано, что я обладательница Истинного света, мой дар невозможно перекрыть. И как бы вы мне ни грозили...

– Да ты охамела вконец, финтифлюшка! – завопил дознаватель и закашлялся, поперхнувшись собственной слюной.

Подлец схватил глиняный кувшин с водой и начал пить жадными глотками. А чтобы, видимо, добить меня окончательно, выплеснул остатки в пятерню и обтер взмокший затылок.

– Истинный свет, значит? Думаешь, если в тебе голубая кровь течет, то все можно? В Абрис слетать, как на Кайманские острова, – можно! Собаку каретой переехать – тоже можно! Ты же особенная, все с рук сойдет...

– Извините, господин дознаватель, я не ослышался? – раздался от двери вкрадчивый голос. – Вы только что обвинили мою подопечную в пересечении границы с параллельным миром и издевательствах над животными?

Одновременно с поперхнувшимся стражем мы оглянулись. Пока меня запугивали, в комнату незаметно проник невысокий тип в дорожном костюме и аккуратных очочках на благообразном, гладко выбритом лице. Правда, взгляд у незнакомца был цепкий и будто проникающий под одежду.

– Я стучался, – уверил он. – Три раза. Но потом услышал гнуснейшие вопли и посчитал, что имею право зайти.

– Вы кто? – удивленно уточнил дознаватель.

– Поверенный советника Озерова и судебный заступник госпожи Уваровой, – представился типчик и, подставив коленку, раскрыл объемный портфель.

Оттуда он вытащил личную карточку и тубус для депеш, опечатанный магическим знаком мирового суда.

– Держите мою личную карточку. – Судебный заступник протянул карточку дознавателю, а потом впихнул и тубус: – Это тоже вам. От судьи.

Пока страж вскрывал печать, неумело ковыряясь стилем в линиях рунической вязи, визитер устроился рядом со мной на лавке и тихо спросил:

– Валерия, из вас пытались силой выбить признание?

Не зная, как правильно ответить, я дернула плечом.

– Будете писать жалобу? – любезно предложил он.

– Какую еще жалобу? – рявкнул дознаватель, наконец вытащив из тубуса свиток.

– Да вы читайте, господин дознаватель, читайте.

Тот недовольно запыхтел, прочистил горло и бросил в нашу сторону подозрительный взгляд.

– В решении суда сказано, что с вас, Валерия, снимаются все обвинения в незаконном пересечении границы между Теветом и Абрисом, – пояснил судебный заступник. – Однако вы все-таки находились вчера в ангаре и следили за игрой, так что вам выписан штраф в пятьдесят три золотых монеты и сто часов исправительных работ на благо нашего прекрасного города Кромвеля. Вы согласны с решением мирового судьи?

– Да! – мгновенно выпалила я.

– Превосходно. – Типчик улыбнулся своей жутковато-кроткой улыбкой и обратился к стражу: – Господин дознаватель, если вы все-таки справились с этим документом, то у меня большая просьба снять с моей подопечной кандалы.

Тот яростно щурился. На лице ходили желваки.

– Валерия, вы точно решили не подавать жалобу на давление со стороны блюстителей порядка? – бессовестно поднажал судебный заступник.

То, с какой резвостью меня освободили, вызывало непритворное уважение. Но когда я выходила, страж злобно процедил:

– Легко отделались, Валерия Демитровна. Помните, мы будем за вами пристально наблюдать.

– Хорошо, – для чего-то согласилась я и выскользнула в коридор, где меня дожидался судебный заступник, обтиравший взмокший лоб тонким батистовым платочком. Ту самую судебную грамоту он сунул мне в руки и вдруг принялся извиняться:

– Уж простите, Валерия, что не вытащили вас раньше. Ждали официальной грамоты. Нам повезло, что вчера под облаву попали адепты с громкими фамилиями, иначе так легко не отделались бы.

– Это вам спасибо.

– Что ж, позвольте откланяться.

Не дожидаясь меня, он припустил к приемной, где шумели взволнованные родители арестованных игроков. Я поковыляла следом, на ходу изучая судебское решение. Мне надлежало явиться в дорожную службу, а потом убирать мостовые.

Совершенно точно, это была паршивая карма! Теперь все лошади города смогут отомстить мне за ненависть!

На улице царила жара. Висевшее в зените солнце нагрело брусчатку, и воздух точно плавился. Знакомый экипаж семьи Озеровых стоял у пешеходной мостовой, без зазрения совести перекрыв переход на другую сторону оживленной улицы. Кучер слез с козел и открыл дверь, намекая, что пассажир дожидается именно меня.

– Давай быстрее, а то весь холод выпустишь, – прозвучал из кареты знакомый голос.

Я забралась внутрь, скользнула на мягкое сиденье, обитое натуральной кожей. Дверь закрылась, экипаж тронулся с места. Валентин по-прежнему смотрел в окно и делал вид, будто я невидимка.

Мы не встречались со дня его обручения, и я разглядывала друга с болезненной жадностью. Красивый профиль, высокомерный взгляд, капризно сжатые губы. Светлые, хорошо подстриженные волосы. Ухоженные руки сложены на груди. Глядя на них, складывалось ошибочное впечатление, будто Валентин Озеров, сын одного из богатейших людей Кромвеля, никогда не держал ничего опаснее самописного пера или магического стило, но в действительности под дорогими одеждами пряталось жилистое, натренированное тело, а на крепком плече была выжжена боевая руна.

– Они предложили на выбор приют для стариков и уборку мостовых, – вдруг произнес он, разглядывая проплывающую за окном торговую улицу. – Я выбрал уборку.

– Ты же знаешь, что я ненавижу, когда лошади гадят.

– В этом весь смысл. – Тин бросил на меня ледяной взгляд. – Сегодня в мой кабинет ворвалась дочь молельщика, несущая ересь про какое-то скольжение в Абрис. Хвала светлым духам, ты не пересекла границу, иначе даже я не смог бы тебя вытащить. Кретином, которые вывалились из ворот в руки стражей, светит по пятнадцать лет каторги. Если – заметь, я сказал «если» – они оттуда выйдут, то забудут, как пишутся...

Наши глаза встретились, и он умолк на полуслове. В карете возникла опасная тишина. Тин, умевший читать по моему лицу, как по раскрытой книге, понял, что я там была.

– И как, Лерой? Тебе понравился Абрис? – невесело усмехнулся он.

Лучшему другу было тринадцать, когда его похитили абрисцы и потребовали крупный выкуп. Валентин вернулся домой через три дня и никогда не рассказывал о том, что именно происходило в плену. Однако его спину

покрывали выжженные шрамы от темных рун, и он бесился даже при простом упоминании Абриса. Пару лет назад королевские советники вдруг завели речь о примирении, так Тин едва не лопнул от злости. Не удивлюсь, если через отца он поспособствовал провалу переговоров.

– В Абрисе красивые звезды, – отводя взгляд, соврала я, как будто действительно успела рассмотреть ночное небо.

– Конечно, звезды – это важно, – с издевательской интонацией вымолвил Тин. – Кто помог тебе выбраться обратно?

– Кое-кто, – уклончиво отозвалась я. – Оказалось, что абрисцы – очень гостеприимный народ. По крайней мере, могут быть, когда хотят.

– Ты правда так считаешь? – В зеленых глазах сверкнул злой огонек.

Мне хотелось задеть его, но почему, когда я добилась цели, на душе стало еще паршивее, чем после злополучной помолвки? Не желая спорить дальше, я отвернулась, и всю дорогу до квартала Каменных горгулий мы провели в напряженном молчании.

Карета остановилась напротив узкого переулочка, ведущего к нашему с отцом дому. Сухо попрощавшись, я выбралась наружу, но не успела добраться до калитки, как Валентин схватил меня за локоть и резко развернул. В обычно надменном лице проявился едва сдерживаемый гнев.

– Ты ведь из-за меня решила участвовать в игре? Я прав, Лерой?

Я многозначительно покосилась на руку с руной обручения, мерцающей на внешней стороне запястья. Мол, отпустить не хочешь? Однако Тин даже не подумал разжать пальцы.

– Из-за меня?! – повторил он. – Просто так, за компанию со своей тупой подружкой, ты бы даже не приблизилась к месту сборов, потому что знаешь, как я отношусь к Абрису.

Он ловко загонял меня в угол.

– Ради светлых духов, при чем здесь ты? – Я вырвалась, почти уверенная, что на коже останутся синяки. – Ты удивишься, Тин, но в моей жизни не все возвращается вокруг тебя. Я приехала в ангар из любопытства, а в игру попала, потому что кто-то бросил мое имя в мешок для жребия. Надо было отказаться, но не хотелось выглядеть папенькиной дочкой в глазах однокурсников. Доволен?

– Не ври, Тихоня Лерой. Ты никогда не совершаешь глупостей...

– Да неужели?

Мы буравили друг друга злыми взглядами.

– Валерия, тебя выпустили? – раздался за спиной изумленный возглас отца.

Не веря собственным ушам, я оглянулась. Папа, одетый в пиджак с золотой нашивкой за заслуги перед Теветом, стоял возле калитки.

– Твоя подруга оставила послание, – пояснил он.

Было страшно представить, как родитель всполошился, прочитав новость о моем задержании.

Первым отмер Тин.

– С возвращением, профессор Уваров.

Я поцеловала отца в небритую щеку.

– Ты же планировал вернуться на следующей седмице.

– Освободился пораньше. – Он поправил круглые лекторские очки. – Как вижу, вы справились и без моей помощи, молодой человек?

– Извините, – для чего-то попросил прощения Тин.

– Что ж... – Отец растерянно оглянулся в сторону дома. – Похоже, мы теперь можем варить пшенную кашу[4 - По древней традиции соленой пшенной кашей родные встречают освободившихся из застенка заключенных.]. Заходите.

– Мне пора, – мгновенно отказался Валентин.

– Ну хорошо. – Отец помолчал. – Валентин, передайте родителям, что я загляну на днях.

Прощались скомканно и неловко. Когда мы вошли в дом, посреди кухни обнаружился криво стоящий дорожный сундук с откинутой крышкой. На кухонном столе были свалены свитки и тубусы. Во всем этом: в разбросанных вещах, в ссутуленных плечах отца, в гробовом молчании – чудился немой укор. После смерти мамы папа всегда поступал подобным образом – замолкал, вместо того чтобы поскандальить.

Не произнося ни слова, он направился к себе в комнату.

– Почему ты не накричишь на меня? – не удержалась я. – Накричи. Можешь даже ударить, я заслужила.

Отец оглянулся, в лице появилось удивление. За всю жизнь он ни разу не повысил на меня голоса и не тронул даже пальцем.

– О чем ты толкуешь, Валерия?

– Я знаю, что сильно подвела тебя.

– Ты раскаиваешься, этого достаточно.

Однако на пороге спальни, прежде чем закрыть дверь, он помедлил.

– Но знаешь, дочь, если бы сегодняшним утром я застал тебя голой на диване с молодым человеком, то расстроился бы меньше.

Папа скрылся в комнате. Лучше бы он отвел душу и устроил разбор полетов, тогда я не чувствовала бы себя из рук вон плохой дочерью.

* * *

С отработки я возвращалась поздним утром, когда солнце уже набрало густоту и силу. От непривычки тело ныло так сильно, словно метлой и совком меня колотили, а не заставляли скрести мостовую на торговой улице. Под ногтями появились темные полумесяцы, пыль, кажется, въелась в кожу. Когда я закрывала глаза, видела лишь лохань прохладной воды и баночку с щелок. Щелок отчего-то представлялся хозяйственный, серого цвета с черными вкраплениями, незнамо как затесавшийся в банные фантазии.

Тут обнаружилось, что у пешеходной мостовой, как раз напротив переулочка, ведущего к дому, стоял незнакомый элегантный экипаж, а рядом с нашей калиткой меня поджидала высокая брюнетка в белом платье. Обнаружив фактически под дверью невесту Валентина, я с трудом подавила позорное желание спрятаться в кустах. Утро враз перестало казаться солнечным.

– Кларисса?

Она обернулась. На красивом лице с точеными чертами появилась милая улыбка.

– Извини, что нагрязнула без предупреждения, Валерия.

На рассвете, отскребая брусчатку, я была уверена, что начавшийся подобным образом день просто не может стать хуже, но при появлении красивой гостьи стало ясно, что может. И еще как может. Видимо, хозяйственный щелок вместо персиковой эссенции мне виделся к ее визиту, а я-то дурного знака не растолковала.

– Ты выглядишь... усталой, – заметила она.

– С сегодняшнего дня началась отработка. – Я продемонстрировала на внешней стороне запястья знак, поставленный в стражем участке. На этом месте у Клариссы поблескивала витиеватая руна обручения, вызывавшая во мне зеленую зависть.

– Валентин говорил, что ты в последнее время в дурном настроении. Вот я и подумала, почему бы нам не развлечься?

– Развлечься?

Благодарю от всей души, Кларисса, я уже все утро развлекалась, убирая за лошадьми. Спасибо твоему жениху.

Мало того что от злости Тин обрек меня на грязную тяжелую работу дворничихой, он не успокоился и отправил невесту домучить жертву до смерти. Имея таких внимательных друзей, можно не заводить врагов.

– Сходим померить платья, поболтаем как подружки, – пояснила она, – съедим что-нибудь вкусное. Я от Валентина слышала, что ты знаешь отличные едадьни. Так что скажешь?

Убей меня прямо здесь, после обеда с тобой я все равно сдохну от заворота кишок.

– Конечно, давай развлечемся как подружки, – нервно улыбнулась я. – Почему нет? Мне нужно пятнадцать минут на умывальню...

По дороге на торговую улицу я с трудом справлялась с дремотой и была уверена, что от усталости вырублюсь на софе в примерочной комнате или же уткнувшись носом в тарелку с поздним завтраком.

Мы приехали в знаменитую на весь Тевет портняжную лавку. На вывеске не значилось имени, только золотой вензель, известный даже мне, далекой от мод и фасонов. Обычно такие лавки я обходила за четверть мили. Когда мы вошли в шикарно обставленный торговый зал, к Клариссе со всех ног бросились белошвейки. Появилась высокая ухоженная женщина и кивнула с видом королевы:

– Госпожа Кларисса, а вот и вы! Новые наряды привезли сегодня утром. Мы их никому не показывали – вас ждали.

– Чудесно, – распевным тоном отозвалась невеста Тина. – Я приехала, как только получила послание.

Нас проводили в примерочную комнату, предназначенную для особых покупателей. Через полчаса и пятнадцать цветных платьев, продемонстрированных Клариссой, я отчаянно перебарывала сон и мечтала во весь рост растянуться на плюшевом белом диванчике, но мне приходилось чинно сидеть и изображать благовоспитанную барышню. Когда я сладко зевнула, едва не вывернув челюсть, белошвейки в шестнадцатый раз раскрыли портьеру. Стоя на возвышении, Кларисса демонстрировала черное приталенное платье с широкой длинной юбкой. Помощницы придерживали зеркало, чтобы придирчивая клиентка получше рассмотрела прелесть наряда.

– Как думаешь, оно понравится Валентину? – спросила она, любуюсь отражением.

– Он не поклонник черного цвета, – машинально отозвалась я.

– Зато поклонник брюнеток. – Кларисса улыбнулась сама себе.

– Я почти уверена, что он не замечал цвета волос девушек. У него были и брюнетки, и блондинки, и рыжие, и... – Под пристальным взглядом невесты я мгновенно исправилась: – Брюнеток он выбирал чаще.

Девушка понимающе улыбнулась и мягко вымолвила:

– Его сложно любить, правда, Валерия?

Из живота поднялась горячая волна. Невесте Тина понадобилось несколько коротких встреч, чтобы разгадать тайну, на какую ему самому не хватило и нескольких лет!

Как часто бывало в делах, касавшихся лучшего друга, мне оставалось изворачиваться и прятать страх под нахальством.

– Ты считаешь, что я влюблена в Валентина? Seriously?

– А ты хорошо притворяешься. Видимо, сказывается опыт...

Я покосилась на белошвеек, мгновенно зашушукавшихся в сторонке, и, не моргнув глазом, солгала:

– У меня есть парень. И давно.

– Парень? – на лице Клариссы появилось удивленное выражение. – Тогда почему Валентин о нем ничего не знает?

– Было бы странно, если бы я рассказывала ему о своих поклонниках, не считаешь? – отозвалась я.

Соперница кашлянула, не зная, что еще сказать, а потом повернулась к работницам:

– Платье ужасное и сидит плохо. За такие деньги оно должно превращать меня в королеву, а не в дворничиху. Покажите что-нибудь еще.

«Дворничиха» определенно было камнем в мой огород.

Занавеска снова закрылась, но от нервного напряжения усидеть на месте было сложно. Как всегда, я принялась метаться: прошлась по примерочной комнате, вернулась в торговый зал, где несколько клиентов восхищенно закатывали глаза перед одетым в небесно-голубой шелк манекеном.

– Вы можете примерить, – произнесла за моим плечом молоденькая продавщица в форменном платье.

Оказалось, что я замерла перед белым нарядом из тончайшего кружева.

– Платье идеально на вас сядет, – продолжила девушка.

– Я все равно не буду его покупать, – попыталась я отвертеться от примерки.

– Но ведь за пробу денег не берут, – пожала плечами продавщица.

Уже через пять минут я разглядывала свое отражение в высоком зеркале. Платье действительно село как влитое. Я никогда не отличалась формами и, несмотря на всю мою любовь вкусно поесть, со стороны походила на фитилек, но нежная ткань удивительным образом облегала тело, неожиданно подчеркивая изгибы.

– Идеально, – с довольной улыбкой вздохнула помощница. – Покажитесь друзьям?

Она щелкнула пальцами, и портьера отъехала в сторону, открывая комнату для примерок. На белом диванчике, положив ногу на ногу, со скучающим видом сидел Тин. Он повернулся в мою сторону и застыл.

– Ты что здесь делаешь? – удивилась я, стараясь не обращать внимания на ноющую боль, возникшую в груди. Взгляд Валентина заскользил по моей фигуре, затянутой в нежное кружево.

– Кла... – Он поперхнулся и закашлялся. – Кларисса попросила приехать. Не знал, что ты тоже здесь.

– Мы вроде как развлекаемся с утра, – мрачно отозвалась я.

В этот момент распахнулась занавеска в соседнюю примерочную. Стоявшая перед зеркалом Кларисса была облачена в точно такое же, что и я, белое платье, обтянувшее полную грудь и крутые бедра. Казалось, что на женственной фигуре кружево расползлось по швам.

На комнату обрушилась неловкая тишина.

– Красивое платье, – натянуто улыбнулась невеста.

Испуганно покосившись на лучшего друга, я пробормотала:

– Я его сниму.

– Ты должна купить его! – остановила меня Кларисса. – Оно непременно понравится твоему парню.

– Какому еще парню? – мгновенно ошетинился Тин и повернулся ко мне: – И давно у тебя появился... парень?

Упрек в тоне обескураживал. Я открыла рот, не зная, что ответить, но Клара пропела:

– Оказывается, давно.

– Почему я ничего никогда о нем не слышал? – Теперь голос Озерова зазвенел от возмущения.

– Потому что ты мне друг, а не подружка!

– Ты должна нас познакомить, – произнесла Кларисса. – Давайте встретимся вчетвером. Что скажешь, Валентин?

Он ничего не хотел говорить, буравил меня нехорошим взглядом, словно я совершила преступление. На лице ходили желваки.

– У тебя правда есть с кем-то отношения, Лерой?

– Не с кем-то, а с женщиной. Не понимаю, что тебя удивляет.

– Как его зовут?

Перед мысленным взором вдруг появились глаза стального цвета и тонкое колечко в нижней губе. С момента скольжения прошла всего пара седмиц, но мне уже не удавалось четко вспомнить лица Роя, словно мы встретились в давнем, полузабытом сне.

– Его зовут Роман, – назвала я имя абрисского ведуна на теветский манер. Ему без разницы, что я наплела друзьям, а мне врать проще, представляя перед глазами реального человека.

– Он из Кромвеля?

– Нет... Мы живем в разных городах.

– Сколько ему лет?

– Двадцать четыре.

– Он обладает Истинным светом?

– Его магия... несколько другой природы, – нашлась я и добавила, совершенно искренне рассердившись: – Клянусь, Тин, я не понимаю, почему все еще отвечаю на твои вопросы.

Раздраженно взмахнув рукой, я заставила портьеру скрыть меня от пристального взгляда лучшего друга. Непроницаемое полотно стремительно распрямилось, словно занавес на театральной сцене.

Вечером в мои двери постучались. Посыльный привез большую коробку, перевязанную нежно-розовой лентой. Когда я распутала пышный бант и сняла крышку, под хрусткой бумагой обнаружила аккуратно сложенный белый кружевной наряд с ярлычком известной портняжной лавки. Сверху лежала чистая карточка. Стоило взять ее в руки, как кончики пальцев закололо, и по плотной бумаге замельтешила искра, выжигавшая написанную знакомым летящим почерком строку: «Принарядись для своего парня».

Валентин намекал, что не верил, будто у меня завязались отношения с другим мужчиной.

– Жестокий идиот, – с раздражением я отшвырнула карточку и вернула крышку на коробку.

Ирония заключалась в том, что Рой действительно существовал, дышал, творил магию. С одной оговоркой – он жил в параллельном мире.

* * *

Вокзальная площадь галдела и суетилась. Подъезжали и отъезжали многоместные тяжеловозы, переругивались грузчики. То и дело в гомон людских голосов вплетался пронзительный звон колокольчика, предупреждавшего о прибытии очередного междугородного дилижанса.

Папа уезжал в столицу читать лекции по истории в Королевской академии. После инцидента с игрой, мне с трудом удалось уговорить его не отказываться от выгодной работы. Пришлось поклясться, что я буду вести себя паинькой. Теперь мы стояли у открытой двери в душный омнибус, в растерянности наблюдая за другими путешественниками.

– Отъезжаем через пять минут, – прикрикнул контролер.

– Ну все, дочь. – Отец забрал у меня корзину со снедью и поцеловал в лоб. – Езжай уже домой.

– Не забудь положить еду в холодильный шкаф. Замораживающей руны хватит только до ночи, потом все испортится, – проинструктировала я и осторожненько попросила: – Не говори тетушке Матильде, что я не приехала домой из-за судебного предписания, а то она меня закидает ворчливыми письмами.

– Хорошо. – Он улыбнулся. – Только пообещай, что больше никакого Абриса.

– Я думала, ты сторонник примирения с Абрисом и всего такого, – принялась дразнить.

– Да, но не когда из-за него мою дочь забирают в участок. – Он кивнул. – Ну, иди.

– Пока. Обещаю, что в этот раз ты обнаружишь меня на диване с молодым человеком, а не в стражем участке. – Я помахала ему рукой. – Отправь сообщение, как доберешься.

Пока я шла к выходу, то несколько раз оглянулась. Наконец он скрылся в омнибусе. Путь до столицы занимал почти весь световой день, было бы проще переместиться с помощью ворот, но отцу строго запретили магические перегрузки и приходилось путешествовать омнибусами.

– Извините, госпожа, – подвинул меня с дороги дородный страж.

– Ничего, – пробормотала я.

Люди в форме стягивались к месту прибытия омнибуса из соседнего городишка Фратска. Правда, к столбу с указателем стражи не приближались, а ждали в отдалении, словно желая понаблюдать за народом. Из подъехавшей кареты на вокзальную площадь вылезали ошалелые с дороги путники. Грузчики поспешно отвязывали дорожные сундуки. Тут с подножки на пешеходную мостовую сошел высокий темноволосый мужчина, помог спуститься неловкой старушке. Я без интереса отвернулась... и замерла как громом пораженная странной догадкой...

Рой!

Снова уставилась на парня, почти уверенная, что обозналась. Он поправил на плече сумку, окинул быстрым взглядом вокзальную площадь, похоже, подмечая стянутых к омнибусу блюстителей порядка. Видимо, они собрались именно по его душу, но Рой не выказывал беспокойства. Спокойно попрощался со старушкой, накинул на голову тонкий шарф на манер капора и двинулся к выходу.

Ему наперерез бросилась пара чрезвычайно хмурых стражей...

– Сюда! – заорала я раньше, чем успела сообразить, во что снова ввязываюсь. – Ты идешь не в ту сторону!

На мой вопль обернулась целая толпа и даже охрана, но не Рой. Сложив ладони рупором, я крикнула:

– Ты оглох, что ли, уничтожитель курсовых проектов?! Повернись наконец! Я здесь!

Он резко оглянулся. Рассеянный взгляд остановился на мне, размахивающей руками. В его лице не появилось и проблеска узнавания, скорее недоумение. Конечно, я не претендовала на то, чтобы обо мне помнили до конца жизни, но даже последний растяпа за пару седмиц не забыл бы человека, которого незаконно перетащил через границу с Абрисом!

Вдруг Рой стянул с головы шарф и позвал меня, уверенно подняв руку:

– Валерия!

Я предпочла не заметить, как сладко заныло под ложечкой, когда он назвал меня по имени невозможным теплым голосом.

Чтобы окончательно сбить с толку соглядатаев в форме, нам стоило броситься друг другу навстречу и крепко обняться на середине пути. Тогда бы стражи точно решили, что у них перед носом случилось воссоединение влюбленной парочки. Однако изображать романтику Рой явно настроен не был и бежать пришлось мне одной. Я буквально повисла у него на шее. Только после секундной заминки он подхватил меня за талию и приподнял над мостовой. Кто-то рядышком охнул, возмущенный попранием приличий.

– Ты вообще понимаешь, что делаешь? – едва слышно пробормотал Рой мне в ухо.

– Пытаюсь вывести тебя с вокзала.

В груди kloкотало странное чувство, словно я парила над землей, а не болтала ногами, цепляясь за шею почти незнакомого парня.

– Ну, привет, – с ленивой улыбкой пробормотал он. – Ты еще красивее, чем я запомнил.

– А память-то у тебя коротковата, – фыркнула я ему в лицо. – Немедленно поставь меня на землю, а то юбка задралась!

Со сдавленным смешком он осторожно опустил меня на пол.

Взявшись за руки, мы направились к выходу, а когда проходили мимо стражей, наблюдавших за нами с откровенным подозрением, Рой вдруг приобнял меня за плечи и на ходу поцеловал в растрепанную макушку. Из-за этого краткого, едва ощутимого прикосновения меня с головы и до самых пяток будто пробил магический разряд. Чуть колени не подогнулись.

На залитой солнечным светом привокзальной площади Рой меня отпустил. Короткий отрезок дороги до стоянки наемных кебов мы шли в неловком молчании. Я лихорадочно пыталась придумать, как наладить разговор.

– Эй, молодые, куда едем? – позвал нас кучер.

Когда мы приблизились, то он спрыгнул с козел на мостовую, открыл двери и разложил перед нами ступеньку.

– Ну и жара, хоть бы дождик брызнул, – причитал он. – Куда решили ехать?

– Куда тебя отвезти? – уточнил Рой. – Домой?

– Поешь со мной! – выпалила я.

Проклятие, что?! Поешь со мной?

– Что? – удивленно изогнул брови Рой.

Да что со мной не так? Я же многогранная личность! И организация душевная у меня чрезвычайно тонкая! Ладно, может, не очень тонкая, но почему я всегда говорю о жратве, как будто меня волнует только возможность набить живот?

– В смысле... – покосившись на ухмыльнувшегося кучера, я почувствовала, как начинаю краснеть. – Ты все утро тряся в омнибусе, наверняка проголодался, а я знаю неплохую едальню в паре кварталов. До нее ехать всего-то минут десять. Что скажешь? Конечно, если ты торопишься...

– Я с удовольствием позавтракаю с тобой, – перебил неконтролируемый словесный поток абрисец.

– О... – Я кашлянула. – Хорошо.

Назвав нужную улицу вознице, я забралась внутрь. Скамья была одна, и Рою пришлось усестся рядом. Когда карета, дернувшись, тронулась, я едва не съехала на пол. Смущенно поерзав на лавке, расправила на коленях юбку.

– Что ты делала на вокзале? – вдруг спросил он.

– Отца провожала в столицу. А ты? Когда ты приехал сюда?

От внимательного взгляда мне стало не по себе. Он точно говорил, что я задаю не просто много лишних вопросов, а сую нос в чужие дела. И снова включился мой проклятый словесный фонтан:

– Хвала светлым духам, что отец не выскочил из омнибуса, когда увидел наши... кхм... обнимашки. Иначе бы вместо завтрака вдвоем, мы бы сейчас переживали смотрины втроем. Мы с папой как раз обсуждали парней, кушетки и...

– Когда ты нервничаешь, всегда несешь ахинею, – с улыбкой перебил меня Рой.

– А?

– Я ведь верно использовал это слово?

Я ошарашенно кивнула.

– Меня переместили чуть больше седмицы назад, – быстро ответил он и кивнул: – Что за метка у тебя на руке?

– Метка? А-а, ты про это... – Я потеряла руну, и магический знак отозвался голубоватым сполохом. – После возвращения меня арестовали и за скольжение приговорили к принудительным работам. Надеюсь, тебя не наказали.

– Жаль тебя разочаровывать.

– Тебя тоже заставили отрабатывать?

– Нечто вроде того.

– Хотя бы не принудили мести улицы? – с сочувствием уточнила я.

– Отправили сюда.

Я выразительно кашлянула.

– То есть выходит, мы переправляемся в Абрис ради развлечения, а вас сюда отправляют в качестве наказания?

– В наказание мне перекрыли дар, а сюда отправили, чтобы дать старейшинам остыть, – объяснил Рой.

– Надолго перекрыли? – оцепенело повторила я.

– На пару седмиц... Что за жалобный взгляд? – усмехнулся он. – Я никогда не отличался примерным поведением, так что магии меня лишили не в первый раз. Просто в моем возрасте это... как сказать помягче... немного неловко.

– А что не так с твоим возрастом? – не поняла я.

Но тут кеб остановился на узкой улочке напротив крошечной едальни.

Заведение располагалось на первом этаже двухэтажного домишки, утлого и жалкого с виду. Однако моя покойная мама утверждала, что он стоял на этом самом месте еще со времен ее лицеистского детства. Хозяйка, среднего роста ловкая женщина, сама и готовила, и вытирала столы, и подавала.

– Осторожно, притолока, – предупредила я, когда мы входили в низкие узкие двери, и Рою пришлось пригнуть голову.

В лицо пахнуло печным жаром, запахом паровых булок и наваристого бульона.

– Добро пожаловать, – стоя у очага и помешивая что-то в котле, крикнула раскрасневшаяся от готовки хозяйка.

Мы разместились за крепким длинным столом у окна. Рой уселся напротив меня, пристроил на скамье сумку и с любопытством задрал голову, рассматривая традиционную руническую вязь на потолке.

– Что вам приготовить? – через весь зал крикнула нам стряпуха, но посетители, привычные к местным обычаям, даже бровью не повели.

– Два омлета и паровых булочек, – попросила я.

– И нам еще булочек! – донеслось с другого конца едальни, как будто гости только и ждали удобного случая, чтобы попросить добавки.

– Тетушка, я разбужу охлаждающую руну? – снова прикрикнула я, вытаскивая из сумки стило, похожее на серебристый металлический стержень.

– Да ради светлых духов, – махнула она рукой. – Если силы не жалко, то буди.

Едва магическое перо ощутило приток Истинного света, как на острие вспыхнул голубоватый огонек. Я провела по контурам вырезанного на стене рисунка, чувствуя, как через пальцы вытекает тонкий ручеек силы. Руна вспыхнула и погасла, а в помещении тотчас заметно похолодало.

– У тебя неплохо выходит, – заметил Рой.

– Угу, – с самодовольством согласилась я, пряча стило обратно. – Я вообще хороша во всем, что касается бытовой магии.

Тут хозяйка принесла заказ, мы взялись за вилки.

– Глядя на тебя, никогда не скажешь, что ты не боишься еды, – пошутил сотрапезник, следя за тем, с каким удовольствием я поглощаю завтрак. – Мне нравится.

– Только что я в тебя влюбилась, – промычала я с набитым ртом. – Обычно девицы моего возраста знают, где можно купить красивое платье, а я – где вкусно пожрать. Это ужасно неженственно!

– Никогда не понимал, почему половина знакомых мне девушек при виде отбивной прячутся в дамской комнате, – поддержал он.

– Считается, что девушка старше шестнадцати должна быть сыта салатным листком и каплей колодезной воды. Мы, знаешь ли, в шестнадцать входим в брачный возраст. Не дайте светлые духи, потенциальный жених решит, что не хватит монет прокормить невесту.

– Всегда удивлялся, как на таком питании они способны рисовать руны и не падать замертво.

– Скажи? – поддакнула я, вытирая рот льняной салфеткой. – Повезло, что я худая от природы и никто не может заподозрить во мне здоровый аппетит.

Между тем входная дверь отворилась. По деревянному полу простучали каблучки, а наколдованный холод начал улетучиваться наружу.

– Госпожа, закройте дверь! У нас мерцает охлаждающая руна, – крикнула тетушка.

Я лениво глянула через плечо и выронила вилку, пронзительно звякнувшую о тарелку. Посреди обеденной залы застыла не менее удивленная неожиданной встречей Кларисса. И мне совершенно не хотелось узнавать, какая нелегкая принесла в дешевую едальню дамочку из высшего общества. Ту самую, предпочитавшую салатный листик здоровой отбивной.

Взгляд брюнетки молниеносно переместился на моего сотрапезника, спокойно жующего омлет.

– Валерия?

– Кларисса?

– Завтракаете? – Покачивая бедрами, она приблизилась к столу. – Не против?

Обращаясь ко мне, она смотрела на Роя и уселась за стол, не дождавшись приглашения.

– Я приехала специально за паровыми булочками. Валентин сказал, что они здесь страсть как хороши. Кстати, невеста Валентина. – Она протянула через

стол руку, будто невзначай продемонстрировав знак обручения. – Валерия наверняка рассказывала вам о своем лучшем друге?

– Кое-что слышал, – согласно кивнул Рой, пожимая унизанные перстеньками девичьи пальчики. – Приятно познакомиться с невестой того самого Валентина.

Сотрапезник бросил на меня понимающий взгляд и очаровательно улыбнулся.

– А вы, должно быть, тот самый Роман?

– Ты знаешь, Кларисса, мы уже уходим! – процедила я, вполне серьезно собираясь спастись от позора не менее позорным бегством.

– Я был бы тебе безмерно благодарен, тыковка, если бы ты дала мне доесть, – нахально заявил Рой.

Тыковка?! Я попыталась пнуть его под столом, но по ошибке тюкнула деревянную ножку, отчего истерично звякнула посуда.

– Угощайтесь. – Рой дружелюбно указал Клариссе на блюдо с булочками.

– Благодарю, но воздержусь, – отозвалась она.

У меня напрочь пропал аппетит, а от вида надкусанной паровой булочки с ароматной острой начинкой из мяса вдруг стало подташнивать.

– Так, значит, вот как выглядит мужчина, которого Валерия ото всех прячет, – проворковала она.

Я подавилась и схватилась за кружку с холодной водой.

– Говоря «прячет», что вы имеете в виду? – с невинным видом уточнил Рой и одарил меня очередным полным иронии взглядом. Даже страшно было представить, какие издевательские мысли при этом его посещали.

– Мы едва ли не клещами вытащили, что у нее есть парень... мужчина. Я вас представляла другим.

– Каким же?

– Вы старше, чем я думала.

– Разочарованы? – Он бросил лукавый взгляд из-под ресниц.

Прекрасно! Он нахально заигрывал с чужой невестой! Светлую руну воздержания ему на лоб, пожалуйста.

– Кстати, Валерия, что ты рассказала друзьям о нас? – с лукавой улыбкой уточнил он.

– Она ничего не сказала, – с фальшивым разочарованием ответила вместо меня Кларисса. У нее вообще имелась раздражающая привычка говорить за других, будто все вокруг были немыми или не умели связать трех слов.

– Разве что упоминала, что у вас долгие и серьезные отношения, – «припомнила» она.

– Так и есть, – с непроницаемым видом поддакнул Рой, однако утверждение прозвучало вопросительно. Мол, так я встречаюсь с тобой? С каких пор? С тех пор, как перетащил тебя через границу? Или же после того, как тискал на вокзале перед стражами?

– Как жаль, что Валентин в конторе, – между тем с наигранной грустью вздохнула Кларисса. – Он бы с радостью с вами познакомился.

– В следующий раз... когда-нибудь, – попыталась воспротивиться я.

Ни-ког-да!

– Как насчет завтра? – немедленно предложила интриганка. – Здесь же, во время обеда.

– Нет! – рявкнула я. – Рой... Роман завтра утром возвращается во Фратск.

– Валерия упоминала, что вы живете в другом городе, – оживилась неугомонная собеседница. – Вы, выходит, из Фратска?

– Выходит, что так, – согласился он и многозначительно добавил: – Валерии лучше знать. Кстати, я с большим удовольствием познакомлюсь с вашим женихом.

– Ты же уже купил билет на омнибус, – непрозрачно намекнула я, что он вовсе не обязан строить из себя влюбленного кавалера.

– Обменяю, – дружелюбно предложил Рой, давая понять, что неловкая ситуация его настолько развлекает, что он готов изобразить хоть кавалера, хоть крылатую горгулью.

– А если не будет мест?

– Тогда останусь у тебя еще на одну ночь, – с деланным легкомыслием отозвался маг. – Ты же не выгонишь меня на улицу?

Удивительно, как Кларисса не захлебнулась восторгом, когда поняла, что у нас те самые особые отношения. Может, теперь она уверится, что я не покушаюсь на ее жениха, а значит не представляю опасности, и портить мне жизнь не имеет никакого смысла?

Из едальной нам пришлось выйти втроем.

– Значит, договорились? – прежде чем скрыться в элегантном экипаже, напомнила Кларисса о знакомстве мужчин, ни один из которых, строго говоря, моим не являлся. Абрисский гость и вовсе совершенно случайно попал под раздачу, но вместо того, чтобы поднять меня на смех и свалить в туман, вдруг решил пощадить гордость опростоволосившейся врушки.

Провожая задумчивым взглядом уезжающую карету с Клариссой и коробкой паровых булочек, Рой хмыкнул:

– Значит, Роман?

– Проклятие, мне так стыдно, что хочется удавиться! – с чувством воскликнула я. – Ты никогда об этом не должен был узнать! Я же не думала, что мы действительно когда-нибудь встретимся снова!

– Похоже, это судьба.

– Артефакторы не верят в судьбу, – заметила я, – от нашего мастерства зависят жизни.

Небрежно засунув руки в карманы, он шурился в обезоруживающем солнечном свете и улыбался широко, открыто. На щеках были ямочки, в светлых глазах – веселье, и мое сердце вдруг споткнулось.

– Может быть, пора поверить, Лера? – От вкрадчивых интонаций в мягком голосе по спине побежали мурашки.

– Считаешь? – зачарованно вымолвила я.

С первой минуты знакомства мы играли в эту странную игру: задавали вопросы, но не давали на них ответов. Десятки вопросов, повисших в воздухе.

Что мы знали тогда друг о друге? Абсолютно ничего.

Мы еще не догадывались, что нас раз за разом сводила вовсе не судьба, а злой рок. Но если бы догадывались, то попытались бы что-то изменить? Избежать или спрятаться?

Однозначно – нет.

* * *

На рассвете, когда за окном едва-едва забрезжило серое утро, появилась Крис. Каждый шестой день подружке, как старшему ребенку в семье, вменялось посещение службы в центральной молельне. Надо было хорошенько помолиться

и привязать ленточки на Древо Судьбы за здоровье всей семьи, но вместо святилища уже два года подряд филонщица приезжала ко мне и досыпала положенные часы, а потом, отдохнувшая и просветленная сытным завтраком, возвращалась домой.

И ее ни разу не поймали!

Удивительно, что при такой небрежности посланца все Серебровы обладали отменным здоровьем. Наверное, сказывалось, что троюродная бабка по отцовской линии обладала Истинным светом. Правда, на ней природный дар и погас.

К тому времени как подружка продрала глаза, у меня полным ходом шли сборы. Я сидела перед зеркалом и битых полчаса расчесывала волосы черепаховым гребнем с особой руной, которая, если верить карточке по использованию, превращала непослушную копну в «блестящий водопад». Единственное, чего мне удалось добиться, так это хорошенько расчесать вечно распушенную шевелюру.

– Что делаешь? – сонно потянулась Крис на кровати.

– На встречу собираюсь, – хмуро отозвалась я, глядя на помятое лицо подруги в зеркало. – На что похожи мои волосы? На водопад похожи?

– Точнее, на хорошо расчесанную гриву, – зевнула она, прикрыв рот.

– Так и знала! Эти гребни – выброс монет на ветер.

– Сколько времени?

Хотя я проверяла время каждые тридцать секунд, бросила еще один взгляд на карманные часы, раскрытые на стеклянной банке с ландышевым молочком для лица.

– Половина десятого! Проклятие, мне скоро выходить!

Я бросилась к старому громоздкому гардеробу и, распахнув скрипучие дверцы, принялась рассматривать развешанные на плечиках платья. В самом конце перекладины, прижатая к деревянной стенке другой одеждой, скромно притулилась черная кожаная куртка Роя.

Вытащив из шкафа синее платье, я повернулась к подруге:

– Как тебе?

– Ты похожа на утопленницу. Лучше выбери белое.

– Угу. – Я бросила синий наряд на пуфик и, вытащив белый легкий сарафан, прижала к груди: – Как?

– Ну... точно наряднее, – одобрила Крис.

Повернувшись к зеркалу, я любовно расправила юбку солнце.

– И кто он? – тихо спросила подружка. – Ради кого ты с самого утра прихорашиваешься?

Мы встретились глазами в зеркальном отражении. Крис была всклокочена, с красным помятым следом от подушки поперек щеки, но улыбалась хитро. Лисица! Как есть рыжая лисица.

– Из-за кого ты вдруг бросилась примерять четыре своих платья? – изображая удивление, проговорила подруга. – Он адепт? Магистр? Я его знаю?

– Нет. Он... не отсюда.

– Когда ты с ним познакомилась, если только улицы метешь и книжки читаешь? До ареста?

– После скольжения он помог мне добраться до дома, – призналась я.

– Так это он тебя подвез?! Так и знала, что не было никакого извозчика! – Она подскочила на кровати и, выпрямившись на мягкой перине во весь рост, ткнула пальцем в сторону гардероба: – Ты все еще хранишь его куртку! Это ведь его куртка, да?

Я так поспешно закрыла дверцы гардероба, словно в действительности вещь своровала.

– То-то мне история показалась странной! – разошлась Крис, имевшая склонность к романтике и экспрессии. – Какой извозчик может позволить себе куртку за двадцатку золотых?

– Сколько она стоит? – поперхнулась я.

Цена куртки равнялась почти половине присужденного денежного взыскания! Отец наотрез отказался платить, и мне, к слову сказать, пришлось взять ссуду у Озеровых, чтобы покрыть долг.

– Ты должна мне все рассказать! – потребовала Крис, усаживаясь на кровати. – Немедленно! Во всех подробностях! Вы уже спали?

– Я сделаю вид, что ничего не слышала.

– Ну вы хотя бы целовались? – придумывала страстный роман подружка. – Он ведь хорошо целуется?

– Я не знаю.

– С ума сойти, Лерой! – фыркнула она. – Таким темпом вы познаете друг друга, когда из вас песок посыплется.

– П-познаете? – поперхнулась я. – Как такое может говорить дочь молельщика? Слушай, ты точно родная в семье? Может, тебя удочерили в младенчестве?

– Сама задаюсь этим вопросом, – пошутила она. – У вас свидание? Можно, я поеду с тобой? Честно, я только постою в сторонке и погляжу на него одним глазком...

– Мы сегодня обедаем с Валентином и Клариссой.

В комнате наступила странная тишина.

– Лерой, ты за этого парня замуж, что ли, собралась? – наконец ошарашенно вымолвила подруга.

– Смерти моей хочешь?

– Да брось, я тебя знаю как облупленную, ты забудешь у отца попросить благословение, но без одобрения Валентина парня за руку не возьмешь.

– Ты преувеличиваешь, – сухо отозвалась я.

– Вовсе нет.

Я было открыла рот, чтобы попытаться переубедить выдумщицу, но та покачала головой:

– Вот думаю, мне оскорбиться за то, что Валентин познакомится с ним первым? Хотя в любом случае мое благословение ты уже получила. Действуй, Лерой! – Она начертала в воздухе божественное знамение, и между нами на пару секунд вспыхнул светящийся знак. – Ладно, надо собираться домой, а то родители решат, что я просветлилась и отправилась в монастырь. Нельзя их так радовать...

С Роем мы договорились встретиться у башни с городскими часами, стоящей на площади в пяти минутах ходьбы от едальни. Боясь опоздать, я вытолкала Крис из дома без завтрака и не стала экономить на извозчике, но получилось еще хуже. В центре города у какого-то экипажа отскочило колесо, улица оказалась перекрыта и на мостовой немедленно выстроился мертвый затор – ни развернуться, ни выехать.

То и дело поглядывая на часы, я мысленно представляла, как Рой уходит, а мне не удастся до него докричаться. В конце концов, накрутив себя, я сорвалась. Через открытую перегородку сунув извозчику монеты, выскочила из душного экипажа и припустила в сторону Часовой площади, лавируя между

неподвижными экипажами и измученными жарой, нервными лошадьми.

И конечно же, очутилась на месте встречи на полчаса раньше. Это было даже неприлично, учитывая, что нормальные девушки обычно опаздывают.

Отчаянно нервничая, я встала на широких ступеньках у главного входа в башню и неожиданно среди людей заметила Роя, торопливо направляющегося к лестнице. Его взгляд остановился на мне, взволнованно теребившей юбку. На загорелом лице мгновенно вспыхнула улыбка. С гулко бьющимся сердцем я сбежала по ступенькам ему навстречу. Расстояние между нами стремительно сокращалось...

Вдруг что-то неуловимо изменилось.

Рой все еще улыбался, только вот глаза заledenели. Он смотрел на кого-то в толпе, видимо следующего за мной, а потом едва заметно покачал головой, приказывая мне проходить мимо, не останавливаться. Мы разминулись в полушаге друг от друга. Не чувствуя от страха ног, я пересекла площадь и свернула в переулок, ведущий к маленькой едальне.

Валентин с невестой сидели за столом у окна. Подскочив к ним, я выхватила у лучшего друга кружку с холодной водой и принялась пить большими, жадными глотками. Руки тряслись, по подбородку текло.

– Лерой, помедленнее, – удивленно охнул Тин. – Ты захлебнешься.

Как будто накаркал. Вода попала не в то горло.

– Я же сказал, – буркнул он, отбирая у меня кружку.

Когда приступ удушья прошел, я плюхнулась на скамью рядом с Клариссой.

– Почему ты одна? – любопытствовала она. – Где твой парень?

– Он опаздывает. – Я не могла заставить себя отвести взгляд от окна, за которым плавилась на солнце улочка с выщербленной брусчаткой. – Извинился и сказал, что оплатит обед, раз уж задерживается.

– Как щедро, – слышалось со стороны Валентина язвительное замечание.

– Не хочешь – забудь.

– Ладно, не злись, Лерой, – протянул он.

Пока Кларисса с особым ехидством сноба, привыкшего к серебряным столовым приборам, тихонечко рассуждала, что можно съесть, чтобы потом не глотать порошки от несварения, я безотрывно следила за людьми на улице. И хотя дураку было ясно, что Рой уже не придет, все равно не могла отвернуться. Вдруг напротив едальни остановился кеб, я даже вытянула шею, надеясь увидеть абрисского гостя, но из кареты появилась пожилая пара.

В животе крепче завязались узлы. Все ли с ним в порядке?

– Эй, Лерой! – видимо, не в первый раз позвал меня Тин.

– Извини? – с трудом переведя взгляд на лучшего друга, пробормотала я. – Ты что-то сказал?

– У меня больше нет времени ждать твоего опаздывающего парня, поэтому...

Я смотрела на него и не слышала, словно стала глухой. Капризный рот шевелился, в глазах светилось недовольство. Несколько долгих лет при взгляде в его красивое высокомерное лицо меня мучила резкая боль в груди, как будто сердце разрывалось на тысячи кусков, но вдруг я осознала, что ничего не чувствую. С плеч как будто сняли многопудовый груз, даже дышать стало легче!

Прерывая Тина на полуслове, я вскочила, прилично шатнув стол, и схватила с лавки сумку. Сотрапезники уставились на меня, как на безумную.

– Мне надо идти... Попросите тетюшку приготовить холодную лапшу с уксусом. В жару отлично пойдет.

– Ты забыла? У меня начинается удушье из-за уксуса, – сухо отозвался Тин.

– Правда? Как-то из головы вылетело.

Бегом я бросилась к Часовой площади, почти уверенная, что Рой дожидался меня на прежнем месте, но лестница оказалась пуста. Я стояла на ступеньках, крутила в руках кругляш золотых часов и продолжала ждать. День неумолимо клонился к вечеру, ноги стали деревянными от долгого стояния, и когда на площади растянулись длинные уродливые тени, я сдалась. Усталая и измотанная жарой забралась в полупустой омнибус, идущий к кварталу Каменных горгулий. Специально выбрала место в самом углу, чтобы никто не мешал упиваться жалостью к себе, не просил подвинуться или убрать ноги, однако все равно нашелся беспокойный тип, плюхнувшийся рядом.

Мимо проплывали суетливые городские улицы, окрашенные червонным золотом вызревшего к вечеру солнца. Омнибус прогремел по каменному мосту над блестящей на свету рекой Нерицей, и через оконце в лицо пахнуло речным теплым сквозняком.

У меня не было никакого права чувствовать разочарование, но именно оно стискивало грудь горячим обручем.

– Зачем так долго стояла на солнце? – вдруг произнес сосед.

Узнав мягкий голос Роя, я ошарашенно повернула голову. Он действительно сидел рядышком, скрестив руки на груди, и вместе со мной смотрел в окно. Поверх белой рубашки на нем был черный пиджак.

– У тебя такое лицо, как будто ты увидела призрак, – усмехнулся он.

– Как ты...

– Зашел следом за тобой в омнибус.

– Ты хоть представляешь, как напугал меня на площади? – выпалила я, когда переборола первое удивление. – Сейчас все хорошо?

– Да, – согласился он. – Теперь все хорошо.

Неожиданно он протянул руку и осторожно заправил мне за ухо выбившуюся из пучка прядь волос. Костяшки пальцев были разбиты, как после яростной драки. А когда полы пиджака разошлись, то я, сама того не желая, заметила, что рубашку пятнали бурые кляксы.

– Не ранили? – тихо спросила я, надеясь, что никто из пассажиров, обмахивающих взопревшие лица веерами, не прислушивался к нашему разговору.

– Нет, – едва слышно отозвался он, давая понять, что кровь не его. Оставалось надеяться, что в газетных листах сегодня не будет новости о том, что в центре города нашли труп.

– Поедем ко мне?

Мы оба знали, что мне надо было схватить сумку под мышку, затянуть потуже ремешки сандалий и с визгом броситься наутек от темного колдуна, чтобы он никогда и ни за что не сумел узнать мой адрес.

– И часто ты приглашаешь в гости плохо знакомых мужчин?

– Ты станешь первым, – пошутила я. Рой поперхнулся, а у меня появилось подленькое чувство, что прямо сейчас он сам захотел затянуть потуже шнурки на ботинках и выскочить на первой же остановке.

К счастью, он не стал задавать вопросов, отчего теветская адептка прониклась неожиданным доверием к почти незнакомому абрисскому ведуну. Не ответишь же, что-то вроде «потому что ты, Рой, загадочный парень с колечком в губе, от вида которого у меня сносит крышу».

Квартал Каменных горгулий получил свое название из-за исполинского размера изваяний оскаленных чудовищ, стоявших по обе стороны от въездных ворот. Прогрохотав по старому мосту, под который в прошлый раз мы переместились из Абриса, омнибус остановился. Немногочисленные пассажиры высыпали из него. Рой подал мне руку, помогая спуститься с высокой ступеньки, и после душного салона с липким воздухом показалось, что на улице царила прохлада.

Не сговариваясь, мы проигнорировали извозчиков и прошли под величественной аркой в тихий квартал каменных особнячков, черепичных крыш и цветущих садов. Неспешно прогулялись по широкой улице, повернули в проулок, ведущий к моему дому. Мысль о том, что, наверное, со стороны мы напоминали влюбленную парочку, странно волновала.

Калитка открылась с протяжным скрипом, и мне почему-то стало ужасно неловко.

– Ее надо смазать. Проходи.

У тропинки росли розы, давно переставшие цвести, зато цепко хватавшие колючками за одежду и попортившие мне не одну шаль. На веранде стояли качели со скомканным пледом и забытым с вечера любовным романом. На веревке между шестами болтались пересохшие на солнце простыни.

Сунув руки в карманы, Рой задумчиво рассматривал неухоженный сад, заросший кустами одичавшей малины, пустующий второй этаж с темными окнами без занавесок и облупившимися наличниками. Сбоку к дому прилипла деревянная лестница с высокими ступеньками, даже на вид не слишком-то надежная.

– Наверху никто не живет, мы с папой только первый этаж снимаем, – пояснила я, доставая из-под глиняного горшка с крючком засохшей астры ключи от входной двери.

– Нестрашно одной оставаться? – спросил Рой.

– Я привыкла, да и защитник из моего отца весьма сомнительный. Не подумай, будто я плохо о нем думаю, – тут же оговорилась, отпирая дверь. – Папа у меня замечательный, но он профессор истории со всеми вытекающими.

– Никаких охранных рун? – удивился темный ведун.

– Ты каждый день пробуждаешь руны? – пошире открывая дверь, полюбопытствовала я. – Или как там у вас называется?

– Мы зажигаем руны, – объяснил он и, входя следом за мной в дом, вдруг произнес: – Последний год я живу в общежитии.

– А семья?

– Без семьи.

Рой осматривал большую кухню цепким, изучающим взглядом. Посуду на открытой деревянной полке, прокопченный чайник на потухшем очаге, оставленную мною кружку с недопитым мятным отваром, книжку об устройстве экипажей, заложенную самописным пером.

– Проходи. Можешь не разуваться, – тут же предупредила я и, как будто походя, схватила ночную сорочку, брошенную Крис на спинку стула. – Знаю, что у вас не принято.

– Изучаешь традиции Абриса, Лера? – насмешливо уточнил он, сделав вид, что не заметил, как я нервно сминаю несчастную тряпку в руках, не зная, куда ее припрятать.

– Обязательный курс лекций в университете. Ты хорошо говоришь по-теветски, – заметила я, запихивая скомканную рубашку на полку с полотенцами. – Зубрил или какую-то специальную руну наносили?

– Не то чтобы зубрил... У меня оказались способности к изучению языка. Ну и учительские розги помогали.

На некоторое время между нами воцарилось неловкое молчание. Рой разглядывал наш семейный портрет на стене. Его нарисовали практически перед смертью мамы. Она умирала медленно, от страшной болезни дарстинный свет выжигал ее изнутри. Хотя портретист постарался добавить изможденному лицу толику румянца, в глазах все равно застыла смертельная тоска человека, смирившегося с неизбежной развязкой.

– Ты похожа на мать, – наконец произнес он.

– Такая же бледная?

– Такая же красивая. – Рой бросил в мою сторону быстрый взгляд.

У меня запылали щеки. Испытывая страшную неловкость, я указала на закрытую дверь в банную комнату.

– Купальня там. Принесу что-нибудь переодеться.

Вытащив из отцовского комода льняную рубаху со шнуровкой на воротах, я подошла к купальне и уже занесла руку, чтобы постучаться, как дверь стала сама собой открываться от сквозняка. Щель ширилась, и я замерла, не пытаясь ее закрыть. По пояс обнаженный Рой осторожно промакивал сложенной салфеткой порез на боку. На белой махровой ткани оставались кровавые следы. На сильных руках с прожилками вен не было ни одной татуировки, как будто их заставили отмыть перед ссылкой в Тевет.

– А говорил, что тебя не ранили, – ошарашенно вымолвила я, на самом деле разглядывая крепкое, мускулистое тело, а вовсе не рану.

– Это просто царапина, – оглянулся он. – Если бы не перекрыли магию, давно бы затянулась. Есть чем перевязать?

Я решительно вошла в купальню, повесила сменную рубашку на крючок и, стараясь игнорировать вид полуголого парня со скульптурным торсом, принялась нервно перебирать баночки в корзине с притирками. Тишина наполнилась истеричным звяканьем.

– Ты спокойно реагируешь, – тихо заметил он.

– А мне с истошными криками броситься наутек? – пошутила я.

– Не спросишь, что случилось?

Хотя десятки вопросов были готовы сорваться с языка, задавать их не имело смысла, вряд ли мне дали бы правдивые ответы. Вынуждать нового знакомого врать было бесчеловечно.

– А стоит ли? – с нарочитым спокойствием отозвалась я. – Вопрос в доверии. Плохой человек не станет вытаскивать из неприятностей совершенно незнакомую девчонку. Согласись? Так что я тебя доверяю, Рой.

От моего признания у него вдруг сделалось странное лицо.

– Почему мне кажется, что теперь именно ты хочешь сбежать с истошными криками? – заметила я.

– Кое-кто решил, что без магии я беззащитен, – вдруг ответил он, явно говоря правду. – Мартинсы – полные кретины.

– Завтра в центре города найдут труп? – небрежно уточнила я.

– Вряд ли, – отозвался Рой, его явно веселили мои попытки сделать вид, что в нашей с отцом купальне через день случались шокирующие психику разговоры. – Он ушел на своих двоих. Хотя, может, попадет под омнибус.

– Ну да, карма и все такое, – пробормотала я, наконец найдя заживляющую мазь, купленную всего пару месяцев назад, а не в конце прошлого десятилетия. – Помочь с перевязкой?

Когда крышка на баночке была откручена, то в нос ударил ядреный запах камфары.

– Отвратительно пахнет, – поморщилась я, – но хорошо заживляет.

Однако в лечении произошла заминка. Стоило мне легонько прикоснуться кончиком пальца к порезу, чтобы нанести мазь, как Рой содрогнулся. Мышцы живота напряглись.

– Жжет? – спохватилась я. – Давай подую?

– Не надо... – Он попятился.

– Да брось, – настаивала я, собираясь плюхнуться на колени и хорошенько подуть на рану. – Мама всегда так делала...

– Лера, ради всех святых, остановись! – Рой схватил меня за запястья, не давая прикоснуться к себе, и отодвинул на расстояние вытянутой руки.

В молчании мы смотрели глаза в глаза. Пространство между нами густело и почти искрилось от странного напряжения. Я вдруг поймала себя на том, что дышу коротко и неглубоко.

У Роя судорожно дернулся кадык.

– Прости меня, Лера, – его голос сел.

– Тебе не за что извиняться.

– Ты ошибаешься.

Он выпустил мои руки, отчего-то вмиг ставшие свинцовыми, подхватил с пола испачканную в засохшей крови одежду. В растерянности я наблюдала, как гость быстро натягивает заскорузлую рубаху, сует руки в рукава пиджака. В гробовом молчании он вышел из купальни. Вскоре, заставив меня вздрогнуть, хлопнула входная дверь.

Что это было?!

Недолго думая, я сорвалась с места, выскочила на крыльцо и еще успела заметить, как закрывалась скрипучая калитка. Я нагнала беглеца на середине переулка, схватила за руку и заставила обернуться. Его взгляд был мрачным, на лице ходили желваки.

– Как можно так сбегать? – выпалила. – Если не хочешь, чтобы я заработала комплекс на всю жизнь, просто скажи, что я сделала неправильно?

Все произошло преступно быстро. Его ладони мягко обхватили мое лицо, и он прижался твердыми теплыми губами к моим губам. Вкрадчивым прикосновением языка заставил открыть рот. Поцелуй был медленным, осторожным, и в голове мгновенно перепутались мысли. Я вцепилась в пиджак Роя, боясь, что подогнутся колени, а когда в груди уже закончился воздух, он отстранился и прошептал:

– Заставь меня уйти.

– Не хочу, – выдохнула я.

Он невесело усмехнулся и выпустил меня из своих рук.

– Считаешь, что мне стоит остаться?

– Не можешь?

– Нет.

– Тогда встретимся завтра? – предложила я. – Ты задолжал мне нормальное свидание.

– Хорошо, – вздохнул Рой. – Встретимся.

– На Часовой площади? В шесть вечера?

Он согласно кивнул:

– Договорились.

– Договорились, – прошептала я, стараясь подавить внутри удушающую радость.

Он не пришел на следующий день. Не появился на пороге и через седмицу. Через месяц я перестала ждать, а из памяти постепенно стирались черты его лица. И хотя мой собственный мир был удобным и легким, в голову приходила настойчивая, но неправильная мысль, что мне все-таки хотелось бы прикоснуться к его миру.

Умные люди говорят, что надо бояться своих желаний. В полной мере я осознала эту простую мысль, всегда казавшуюся мне ироничной, в дождливую ночь почти в конце лета. В пустом доме загрохотало. Едва-едва задремав, я испуганно подскочила на кровати. Оказалось, что на улице заколотил яростный ливень. Злой сквозняк раскрыл окно, в тишине хлопала рама. Пришлось вылезти из

постели и тащиться на кухню.

Дождь бил по жестяной крыше веранды. Воздух был насыщен сладкой прохладой и свежестью, почти забытой за долгие седмицы летней жары. На улице гроыхнуло, зажженный светильник, похожий на зыбкое солнышко, заискрился в плафоне, замигал и окончательно погас.

Я пошлепала к раскрытому окну и вдруг обнаружила валявшиеся на деревянном полу карманные часы. С месяц назад они исчезли. Сколько я их ни искала – найти не могла и в итоге решила, что потеряла, когда мела улицы. Обнаружить артефакт посреди кухни казалось и странным, и удивительным одновременно. Наклонившись, я подняла кругляш, но корпус оказался сильно нагретым. Крошечное магическое сердечко под крышкой билось истерично и неистово, хотя по правилам должно было точно повторять сердечный стук создателя.

С часами творилось что-то неладное!

Я не успела их отшвырнуть. Вокруг меня на полу вспыхнуло огненное кольцо, засветились незнакомые символы. Секундой позже, как была, в тонкой кофте и спальных шортах, я ухнула вниз, переносясь в параллельный мир.

Глава 3

Темные руны Абриса

Переход был резким и неестественным для светлой магии. К ногам точно привязали веревку и дернули с чудовищной силой. Плохо соображая, я согнулась пополам, коротко дышала, чтобы справиться с взбунтовавшимися внутренностями. И тут в поле зрения появились затасканные мужские ботинки со сбитыми носами. Холодея от страха, я медленно выпрямилась. Похититель с рыжеватыми, забранными в хвост волосами смотрел на меня со смесью недоверия и восторга.

– Фа-а-ак! – На его лице появилась полубезумная улыбка.

Я диковато огляделась вокруг. В комнате, походившей на полупустую гостиную старинного особняка, были люди. Много людей. Пахло кислым вином, дешевым табаком и дымом из чадающего камина.

Похититель что-то произнес и попытался дотронуться до моих рассыпанных по плечам волос. Все еще плохо соображая, я со злостью оттолкнула протянутую руку. Он удивленно фыркнул, прошипел непонятную фразу и отвесил мне такую оплеуху, что перед глазами заплясали звездочки. Взвизгнув, я кувыркнулась на пол. Во рту появился вкус крови, челюсть пульсировала от боли, а народ взревел от восторга.

И вдруг стало ясно, что они не видели во мне человека. Для них я являлась противоестественным природе созданием, как перерожденный магией трехголовый зверек из Выжженной пустоши. Навредишь – все равно никто не узнает, а узнает – вряд ли накажет, и значит, осторожничать со мной не имеет никакого смысла.

Ведун присел на корточки, схватил меня за подбородок и заставил поднять лицо. У него были светло-серые глаза, как у Роя, но взгляд – сальный, нехороший. И слова он, похоже, говорил пошлые и некрасивые. Иначе отчего бы глумиться нетрезвой толпе?

Злость победила страх. Я вцепилась руками в запястье ведуна, и из-под пальцев вырвалась яркая вспышка. Магический свет мгновенно прожег толстый свитер и вгрызся в плоть похитителя. Мужчина зарычал, с силой меня оттолкнул. Тяжело дыша, я шлепнулась на пятую точку, от кончиков пальцев по полу рассыпались голубоватые искры.

Когда он вскочил на ноги и поспешно задрал прожженный рукав, на коже, покрытой татуировками, краснели отпечатки женских пальцев. Народ охнул. Ведун рванул ко мне, схватил за волосы и размахнулся для очередного удара, но вдруг замер. На лице вновь появилась кривоватая ухмылка, пугавшая гораздо сильнее ярости.

За кофту он вздернул меня на ноги. Ткань жалобно затрещала, разорвался рукав, из прорехи высунулось обнаженное плечо. Мучитель вывернул мне руку до хруста в суставе. Кто-то с пакостной улыбочкой передал магическое стило.

– Нет! – заорала я, в панике пытаюсь вырваться. – Не надо рун! Пожалуйста, мне нельзя темную руну!

Но острое жало, наполненное чужеродным током, впилось в ладонь. Боль выстрелила даже в груди. Черная магия, как яд, впитывалась в кровь и отравляла тело. В голове тоненько зазвенело, вернулась тошнота.

Казалось, пытка длилась вечно под ободряющие вопли окружающих. Когда ведун меня оттолкнул, то я едва устояла. Сквозь дурманную пелену попыталась сфокусироваться на изуродованной ладони. Кожу будто распороли тупым ножом. Истинный свет пытался совладать с темной руной, и в порезах переливалось свечение, отчего кровь казалась голубого цвета, а меня стремительно покидали силы.

После потасовки у истязателя выбились из хвоста волосы и неряшливыми прядями свисали вдоль скуластого лица. С плотоядным видом он облизал перепачканный в крови большой палец. Открыл рот, чтобы изрыгнуть очередную пошлость...

– Лера?!

Имя, произнесенное вслух, имело эффект парализующего заклятья. Комната оцепенела, смолкли голоса. Словно выросший из-под земли Рой стоял в центре гостиной, а вокруг него образовалось свободное пространство. Вероятно, люди отхлынули в стороны, стоило ему появиться.

В первое мгновение почудилось, что из-за темной руны у меня начались галлюцинации. Одетый с иголки, в костюме и дорогущее пальто с меховым воротником, Рой казался инородным в грязной комнате, пахнущей магией и дешевым пойлом. Но нет, ошибки снова не было.

Ледяной взгляд остановился на моем разбитом лице, потом на обнаженном плече, выглядывающем из разорванного рукава, скользнул по сжатой в кулак, окровавленной руке.

– Йен, ты посмел к ней прикоснуться? – произнес Рой тихим голосом с пугающими, вкрадчивыми интонациями и вдруг рявкнул на всю комнату: – Я не слышу ответа!

Похититель переглянулся с приятелями, на шее нервно дернулся кадык.

– Брось, старик. Вечеринка вышла тухлая, вот мы и решили с ребятами развлечься. – Йен переступил с ноги на ногу, будто разминался, чтобы сбежать. – Ну, знаешь, стало любопытно, что за теветские часы ты хранишь. Кто же знал, что артефакт создала сучка...

Я никогда не видела, чтобы человек двигался с такой стремительностью. Казалось, вот Рой стоял в нескольких футах от противника, а уже через мгновение с яростью вцепился ему в ворот свитера. Люди вокруг замерли.

– Ну-ка, – процедил Рой сквозь зубы, – повтори, как ты ее назвал, говнюк?

– Брат, не злись! Я просто пошутил.

– Так ты ранил ее ради шутки? Вытащил светлого мага из Тевета и нанес темную руну, потому что вечеринка вышла тухлая?! Если бы она упала замертво, ты бы продолжал веселиться?

– Да уймись ты! – Противник безрезультатно попытался оттолкнуть взбешенного ведьмака. – Она мне сожгла фамильяр, я психанул...

Неожиданно пространство начало меняться. Воздух словно потемнел и стал гуще, холоднее. Стальные глаза Роя превратились в черные, казалось, радужка слилась со зрачком... Гостиная немедленно пришла в движение. К сцепившимся, точно разъяренные волки, колдунам ринулось несколько человек.

– Зачем драться из-за теветской девки? Не в первый раз ведь! Вернем ее обратно, никто не узнает. Остынь, Кайден...

Его незнакомое имя, точно обретя материальную форму, болезненно ударило в солнечное сплетение, выбило из груди воздух.

Комната окончательно закружилась перед глазами, точно карусель. Как растаскивали скандалистов, я видела сквозь туман накатывающей волнами дурноты.

– Как, говоришь, твое имя? – мой голос звучал слабо, но Рой все равно расслышал.

Он порывисто оглянулся. Лицо вытянулось. Прежде чем свалиться в глубоком обмороке, я еще успела подумать, что он выглядел страшно растерянным.

* * *

Я горела. Жар пульсировал в ладони, поднимался по руке до плеча, разливался в груди и дальше по всему телу. Казалось, что кровь закипала в жилах, а в голове беспрерывно звучали чужие громкие голоса, грохотал безумный хохот. Но вдруг все закончилось. Пробуждение принесло долгожданную умиротворенную тишину. Хотелось лежать с закрытыми глазами и просто наслаждаться безмолвием, но от острой, как иголка, мысли меня точно подбросило.

Где я?

Резко сев на кровати, огляделась. Комната, озаренная лампой со свечой под стеклянным колпаком, утопала в полумраке. За окнами с открытыми ставнями вызревала густая ночь. От зажженного камина шел жар, и, судя по тому, как весело потрескивали поленья, совсем недавно их ворошили. На прикроватном столике стояла плошка с водой и лежали махровые салфетки. Походило на то, что кто-то находился рядом, пока я металась в агонии. Израненная рука оказалась аккуратно забинтованной, но стоило пошевелить пальцами, как на белых полосках ткани проявились красные пятна.

Мне хотелось размотать повязку, чтобы проверить, насколько изуродована ладонь, но неожиданно и совершенно бесшумно отворилась дверь. Поспешно натянув до подбородка одеяло, я уставилась на пришельца. Им оказался высокий, худощавый юноша с копной мелких кудрей, забранных под металлический обод, отчего буйная шевелюра походила на львиную гриву.

– Очнулась? – произнес он. Из-за покалывающей ладонь темной руны я не смогла определить, говорил ли незнакомец на абрисском языке или же на теветском.

Он остановился перед изножьем кровати, скрестил руки на груди.

– Поаккуратнее с рукой. Я нанес заживляющую мазь, так что будет жечь. Как ты себя чувствуешь?

– Сносно, – севшим ото сна голосом, соврала я, хотя чувствовала себя так, будто проспала целые сутки: тело страшно ломило, а голова напоминала чугунный котелок. – Ты здравник?

– У нас принято говорить знахарь, – поправил он.

Выходит, домой меня все-таки не вернули.

– Как долго я здесь?

– Четыре часа. Ты поразительно быстро очнулась.

Проигнорировав недвусмысленный намек на то, что обычному теветскому неофиту было не по силам прийти в себя за столь короткое время, я спросила:

– Когда меня возвратят домой?

– Как знахарь, я советую воздержаться от перемещений хотя бы пару суток...

– Могу я вернуться сегодня? – перебила я. – Не имею никакого желания оставаться здесь дольше.

– Как скажешь. Твое здоровье, тебе им рисковать, – развел он руками, давая понять, что плевать хотел, отправится теветская девчонка восвояси или же сразу на тот свет. – Если хочешь перемещаться сегодня, то тебе надо восстановить магический источник. Или как вы это называете? Свет?

Я коротко кивнула.

– Здесь вещи, – указал он на стул с аккуратно сложенной одеждой. – Одевайся и спускайся в кухню.

– А где Рой? – уже ему в спину спросила я.

– Рой? – удивленно оглянулся он.

– В смысле... Кайдэн.

– Подозреваю, что вернулся на вечеринку. Он, похоже, решил переломать руки, а заодно и шеи тем кретинам, которые тебе выжгли руну «знание». Сколько надо было вложить черной магии, что даже Голубая кровь не может ее перебороть? Безобразная работа! Как будто стило в руках в первый раз держали. Сволочи!

Услышав название, каким в Тевете называли Истинный свет, я почувствовала, как у меня вытягивается лицо, и севшим голосом поправила:

– Сволочь.

– А? – не понял знахарь.

– Он был один.

– Вот ведь ему не повезло, – со смешком отозвался ведьмак. Он тихо вышел и плотно закрыл за собой дверь.

Страхнув оцепенение, я кое-как выбралась из кровати, одной рукой умылась в медном тазу, натянула одежду. Длинное вязаное платье оказалось великоватым, зато обувь пришлось впору. Одежда едко пахла лавандовыми шариками от моли, видимо, прежде долго пролежала в сундуке.

Выбравшись из спальни, я неожиданно оказалась перед крутой деревянной лестницей. Внизу горел свет и звенела посуда. Кухня в доме была просторная, по старинке освещаемая толстыми оплывшими свечами. В воздухе витал запах воска, сухих трав, пучками свисавших с потолочных балок, и ощущался еще один незнакомый аромат, густой и бархатный.

Знахарь снял с огня высокий медный чайник с длинным узким носиком и кивнул на стол:

– Присаживайся.

– Спасибо за вещи, – не двигаясь с места, поблагодарила я.

– Это платье принадлежало моей покойной сестре, – объявил он, наливая в чашку темный дымящийся напиток. – Тебя это не смущает?

На секунду я замялась. Хозяин дома явно не испытывал особенного дружелюбия или сочувствия, перед таким типом было проще выглядеть нахальной, нежели растерянной.

– Надеюсь, она умерла не в нем?

– Кто знает. – Знахарь даже не пытался скрыть ироничной ухмылки. – В то время я еще не вел семейное дело и жил при замковой лечебнице.

– В любом случае вряд ли она обидится, что ты его отдал мне, – пожала я плечами.

– Тут ты права. – Он бросил на меня смеющийся взгляд. – Претензий мы точно услышать не сможем.

– Кстати, меня зовут Валерия.

– Здорово, – вместо ответной любезности произнес хозяин дома и, поставив дымящуюся кружку на стол, уточнил: – Так и будешь там стоять, Валерия?

Он проследил, как я прошла к столу. Казалось, у хозяина дома вызывало исследовательский интерес любое мое движение, точно подсознательно он ждал какой-нибудь демарш. Например, смертоносный светоч, вспыхивающий под потолочными балками и к абрисским демонам сжигающий не первый год пылящиеся веники сушеных трав.

– У меня нет боевой руны, – бросила я, одарив знахаря выразительным взглядом, и принялась к темному густому напитку.

– Это кофе, – пояснил парень. – Когда-нибудь пробовала?

– Нет, но кое-что слышала.

Слышать-то слышала, но никогда не могла представить, что в жизни доведется пить самой.

О кофе упоминалось в одной из отцовских колонок для исторического альманаха. Сразу после Великого Схождения, когда народы еще пытались дружить, кофе впервые попал в Тевет. Горьковатый на вкус густой напиток варили из перемолотых жареных зерен, которые выращивали где-то на юге Абриса. Он обладал удивительным свойством быстро восстанавливать силы неофитам, только-только приобретшим магический свет, когда этот самый свет неожиданно затухал в середине дня и человек падал с ног в прямом и переносном смысле. Однако после войны абрисский кофе оказался под запретом, как все, что переправлялось из параллельного мира, а теветский, лишенный темной магии, не обладал даже долей чудодейственного эффекта – водица водицей – и вскоре совсем исчез.

С иронией хозяин дома проследил, как я делаю первый осторожный глоток. Вкус показался чудовищным, горьким и сладким одновременно. Меня скривило, как от противного порошка от мигрени.

– Гадость-то какая этот ваш вареный кофе...

– Вообще мы считаем кофе утренним бодрящим напитком, – с иронией заметил собеседник и прихлебнул из своей кружки.

– Пьете за завтраком?

– Зачастую вместо.

– В таком случае, на ужин вы что, едите серебряные гвозди? – не удержалась я от шпильки.

От очередного маленького глоточка по языку растеклась горечь, сердце забарабанило в груди, зато в руках появилась удивительная легкость – хоть сейчас рисуй сложную руну «невидимость». От прикосновения к кружке даже посыпались крошечные голубоватые искры. Осторожно подняв глаза, я наткнулась на прямой задумчивый взгляд.

– Удивительно, как в таком хрупком теле уживается настолько мощная магия, – заметил знахарь.

– Сила света не зависит от массы тела.

– Так и есть... – задумчиво протянул он и, опрокинув в себя остатки кофе, тихо добавил: – Как, впрочем, и сила притяжения от нее тоже не зависит.

Тут открылась входная дверь, переливчато зазвенели ветряные трубочки, в теплую кухню потянуло уличным сквозняком. Прежде чем я успела оглянуться, мой собеседник спросил:

– Вернулся? Надеюсь, вечеринка закончилась без кровопролития?

Догадываясь, что в доме появился Кайдэн, я невольно выпрямилась на стуле. Казалось, что внутри сжалась тугая пружина.

– Приятель, не смотри на меня так, как будто я решил ее опоить белладонной с пятилетним коньяком. Это обычный кофе с кардамоном. – Знахарь, безусловно, отвечал на незаданный вопрос, но словно говорил сам с собой. – Валерия решила вернуться сегодня...

– Где мои часы? – Я не потрудилась повернуть хотя бы головы. – Отдай их немедленно!

Последовала долгая пауза.

– Держи, – прозвучало в напряженной тишине.

На физическом уровне я ощущала, как затылок буравит тяжелый взгляд. Кто-то должен был сдаться в нашем столкновении характеров. Победил Кайдэн, я сдалась. Неприятно проскрежетав ножками стула по деревянному полу, поднялась и повернулась к ведуну. На раскрытой ладони он протягивал часы.

– Берешь?

Приближаться мне не хотелось, дотрагиваться до него тоже, вдруг опять сердце начнет предательски екать. Я громко щелкнула пальцами, отдавая приказ искре света, трепыхавшейся в часовом механизме, подняться в воздух и прилететь ко мне. Однако часы даже не шевельнулись.

Чувствуя себя совершенно по-идиотски и злясь еще сильнее, я простучала каблуками по полу и попыталась выхватить часы, но Кайдэн ловко сжал кулак, не давая прикоснуться к ним и пальцем.

– Тебе лучше повременить с возвращением. Ты можешь снова потерять сознание.

– Лучше бы ты подумал о моем здоровье, когда без спроса забрал светлый артефакт и перетащил в Абрис, – огрызнулась я. – Или когда позволил с ним развлекаться своим друзьям-душегубам!

Бледное осунувшееся лицо ведьмака окаменело.

– Они мне не друзья.

– Тогда кто? Может, подружки? Или поделники? Как ты сам-то оказался в том отвратительном месте?

– Приехал за своими часами.

– Извини, но за моими часами! – процедила я. – Для чего ты их взял без спроса? Разве ты не догадывался, что меня могут похитить прямо из дома? Например, среди ночи, босую и в нижнем белье. У вас же такие... развлечения в порядке вещей.

– Это моя вина. Я должен был о них позаботиться...

– Проклятие, не понимаю, почему я это обсуждаю! – перебила, окончательно разъярившись. – Просто отдай их!

Он протянул часы обратно. Выхватив кругляш, я немедленно почувствовала, как под нагретой золотой крышкой барабанило магическое сердечко, нестройно и

сбивчиво, точно хотело разорваться мелкими клочками. Раньше искра Истинного света повторяла биение моего сердца.

– Если хочешь вернуться домой сегодня, то собирайся. До храма добираться больше получаса, а скоро начнет светать, – вымолвил Кайден. – Не успеем, придется терпеть до следующей ночи. Экипаж ждет во дворе.

Словно больше был не в силах сдерживать раздражение, он направился к выходу. Прежде чем выйти, скомандовал:

– Поторопись.

Когда за ним закрылась дверь, знахарь произнес:

– Ты с ним помягче. Объясняться и оправдываться он точно не будет – не умеет, но есть вещи, от которых человек просто не в состоянии удержаться.

– Если он не может удержаться от воровства, то это душевная болезнь, – взорвалась я. – Не знаю, как здесь у вас, а у нас таким больным ставят обжигающие руны и поят успокоительными порошками. Ты же знахарь, вылечи его.

Тот усмехнулся. По-взрослому, понимающе.

– Все дело в сердце, Валерия. Ты еще молода и не догадываешься, как важно слышать, что чье-то сердце бьется. Особенно на расстоянии.

У меня возникло стойкое ощущение, что он издевается.

– Это вообще что-то должно объяснять? – огрызнулась я.

– Повзрослеешь, поймешь, о чем я толкую.

Хозяин дома вручил мне баночку с заживляющей мазью, пахнувшей ничуть не лучше теветской, заставил надеть толстое, изъеденное молью пальто и пошел провожать до кареты.

В Абрисе властвовал сезон голой земли, когда природа печально коченела в ожидании первого снега, а холод казался особенно острым, жалящим даже через одежду. Сад и двор окутывала густая темнота. Фонарь горел только на крыше дорогого экипажа, стоящего за открытыми настежь деревянными воротами. И в этой темноте были видны мириады звезд, теснившихся в небе, ярких, тусклых, составляющих замысловатые узоры.

Я никогда в жизни не видела звездного неба.

Кайден дожидался нас у экипажа. Вдруг мне пришло в голову, что они друг другу подходили, этот излишне вызывающий экипаж и ведьмак в одежде из дорогих тканей.

– Удачи, Валерия, – попрощался со мной знахарь, когда я уже собралась забраться в салон.

– Зря не сказал, как тебя зовут, – отозвалась я. – Я бы завязала ленточку на Древе Судьбы на твою удачу.

– Боюсь, что для теветца хорошо, то для абрисца – смерть, – хмыкнул он. – Постарайся не потеряться между мирами, Голубая кровь.

– Голубая кровь? – скривилась я. – Обычно меня называют Тихоней Лерой.

– Они просто не видели тебя в ярости, – отозвался знахарь.

– Тебе в дом не пора вернуться? – хмуро перебил дружескую перепалку Кайден и скомандовал мне: – Забирайся!

Проигнорировав вежливо предложенную руку, я подхватила подол платья и кое-как вскарабкалась на высокую ступеньку. Сиденья в экипаже обтягивала мягкая замша, в окнах были стекла, на стене переливалась вязь незнакомых рун. Пожалуй, даже парадный экипаж Озеровых, на котором мы с Тином однажды ездили на официальный прием в ратушу, выглядел гораздо скромнее.

Кайден уселся напротив, дверь закрылась, и мы тронулись с места. Темнота скрывала его лицо и фигуру.

– Куда мы едем? – спросила я, нахохлившись в углу, и сама испугалась, как пронзительно звучал мой голос.

– Ближайшие ворота находятся в местном храме, – в отличие от меня, Кайден говорил спокойным голосом с мягкими интонациями, словно пытался утихомирить несвоевременный гнев капризного ребенка.

– С каких пор тебе нужны ворота?

– С тех пор, как меня лишили руны перемещения.

– Снова нарушил правила? – зло усмехнулась я. – И много?

– Одно.

– Должно быть, важное, раз оно потянуло на наказание.

– Очень.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

2

Стило – магический инструмент для рисования, выжигания и активации рун. Напоминает самопишущее перо с острым концом.

3

Неофиты – жители Тевета, получившие магический дар благодаря Большому взрыву. Сила некоторых неофитов не уступает силе обладателей Истинного света, но в общей массе неофиты являются слабыми магами. Они быстро истощаются, дольше восстанавливаются, и их силы света, как правило, хватает лишь на простые бытовые руны.

4

По древней традиции соленой пшенной кашей родные встречают освободившихся из застенка заключенных.

Купить: https://tellnovel.com/efiminyuk_marina/mezhdu-dvumya-mirami-shkola-vyzhivaniya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)